
МОЛОДЕЖНЫЙ РОМАН
КАТЕРИНА Пелагина
ОСКОЛКИ
НАШЕЙ правды

Катерина Пелевина
Осколки нашей правды

https://litres.ru/74810043

Аннотация

❤#Когда-то мой сводный был для меня целым миром... Я смотрела на него и думала, что это навсегда. Что наша влюбленность переживет любые трудности, ведь именно Максим стал для меня якорем после смерти матери, защитил от недоброжелателей в школе, помог найти себя в этом новом для меня месте... А потом после скандала в школе он вдруг решил оставить меня, не объяснив причины... Сказав лишь то, что я слишком маленькая для него... Перечеркнув всё, что было одной фразой. Уехал в другой город, пошёл там в другую школу, а затем и поступил в универ, забыв нас, словно и не было никогда... А теперь я закончила эту злосчастную учёбу и наконец выдохнула. Решила начать новую свободную жизнь, работать и переехать из этого проклятого дома, где всё два года напоминало мне о нём... А вот он, наоборот, вернулся... И не просто вернулся, а перевёлся в мой университет, будто назло мне...

Первая книга здесь -

График прод – каждый день

НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "Мне нравится" (Звёздочку)❤# Пишите комментарии, автору важно❤#

Книга участвует в литмобе «Снова ты!» -

Содержание

Пролог	5
Визуалы	15
Глава 1.	19
Глава 2.	29
Глава 3.	38
Глава 4.	46
Глава 5.	53
Глава 6.	60
Глава 7.	67
Глава 8.	73
Глава 9.	79
Глава 10.	87
Глава 11.	93
Глава 12.	99
Глава 13.	105
Глава 14.	110
Глава 15.	116
Глава 16.	123
Глава 17.	128
Глава 18.	134
Глава 19.	139
Глава 20.	145
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Пролог

Добро пожаловать во вторую книгу дилогии «Тайны нашей любви»! Первая «Наш секрет» здесь - https://litnet.com/shrt/VT_I

Пролог

Два года спустя...

Максим Волков

– С Днём Рождения, малышка… – диктую очередное голосовое в динамик, пока вокруг стоит мёртвая тишина. У меня даже часов нет, чтобы они хоть как-то её разбавляли… И я представляю, что если произнести эти слова отсюда, но искренне, они всё равно долетят до неё. Сквозь километры, сквозь стены, сквозь эту чёртову пропасть, которую мы сами вырыли или, вернее, которую вырыли за нас другие люди. Хотя и не люди это вовсе, а конченные мрази. Сквозь боль, сквозь время и даже сквозь настройки, которыми она меня уничтожила однажды…

Нажимаю «отправить» и смотрю, как на экране высвечивается привычная, режущая по-живому надпись: «Сообщение не доставлено. Пользователь ограничил круг лиц, которые могут ему писать».

– Мне тебя не хватает… Я постоянно нас вспоминаю…

«Сообщение не доставлено»… Бла бла бла…

Снова. С-с-сука.

Как будто я не знал, что так будет. Как будто это впервые. Но нет, это уже давно. Она уже почти год, как меня заблокировала. Просто каждый раз, когда я вижу эту строчку на экране, внутри меня что-то снова обрывается. И я, как дурной, опять возвращаюсь туда. В тот самый день… Стою в её комнате, смотрю в её заплаканные голубые глаза и говорю то, от чего у самого сердце разрывается на куски.

«Прости меня за всё, нам придётся расстаться».

С психа отбрасываю телефон на кровать. Порой хочется вообще сломать его к хренам, но это единственное, что у меня осталось. Там наши фотки, нам наши переписки, наше с ней прошлое… Наше всё.

Какой смысл снова ранить себя, копаясь в этих воспоминаниях я не знаю. Но верю, что в этом что-то есть. Хотя бы для души.

Здесь всё равно никто не видит. Я живу в серой безликой квартире, расположенной в спальном районе Питера… Бываю здесь крайне редко на самом деле. Всё чаще на работе или где-то гуляю. Много хожу пешком… Даже не помню, когда в последнее время убирался... Но здесь есть один плюс – ничто не напоминает о доме. Ну, почти… Кроме моего унылого отражения в зеркале…

Я устало потираю лицо, чувствуя, насколько заебался. Как меня всё в этой жизни достало… Ощущение, что я до сих пор пытаюсь жить в ракушке, будто прячусь от боли. Хотя всё, что мог, я уже испытал.

Два года… Целых два грёбанных года я пытаюсь стать другим человеком. Учусь в ЛЭТИ на электротехническом, потому что всегда хотел этого. Точнее, не так. Это было второе, чего я хотел от жизни. И несмотря на то, что первое, особо важное так и не сбылось, я был уверен, что должен воплотить в реальность хотя бы второе... С цифрами у меня всегда неплохо шло…

С людьми так не получается… У меня как-то вообще не очень с ними. Хотя я и перестал быть тем замкнутым жестоким парнем, которого все вокруг боятся. Наверное, мне просто не до этого.

Подхватываю бомбер, застёгиваю на ходу, выхожу в подъезд, где пахнет сыростью и какими-то грёбанными пирожками, не то с капустой, не то с печенью, и спускаюсь по лестнице, перешагивая через трещины в плитке.

Суббота. День, когда все нормальные люди отдыхают, встречаются с друзьями, гуляют под дождём, который сегодня, как назло, льёт как из ведра.

– Если бы ты знала, как сегодня дождливо здесь, ты бы, наверное, взвыла, – бормочу я себе под нос, уже не пытаясь отправить это сообщение. Просто говорю вслух, чтобы услышать её голос в своей голове, как какой-то одержимый безумец. Просто я до сих пор помню, как она говорила… Я помню её тембр. Помню даже некоторые фразы, которые вылетали на автомате. Что-то такое, что относилось именно к ней одной…

Я приезжаю в автосервис чуть раньше обычного. Но тут, как всегда, воняет всем, чем только можно. Эта сраная химия, которая не даёт нормально думать. Хорошо, что не нужно быть слишком уж умным, чтобы чинить тачки. Всё приходит с опытом. Я пытаюсь учиться и находить свои плюсы. Понятно, что у меня не всё сразу получается, но я хотя бы стараюсь. Руки заняты делом, и голова… почти свободна. Обычно так…

Но не сегодня.

Сегодня День её Рождения. Ей восемнадцать. Совершеннолетие. Та самая черта, которую мы когда-то боялись переступить, потому что она делала всё ещё сложнее, ещё запутаннее. А теперь… теперь она просто взрослая. Без меня.

Мама писала, что Лиза решила отметить в ресторане. Якобы всё лето подрабатывала, тоже копила, как я, и хотела сделать этот день особенным. Ну, супер. Я на самом деле рад этому… Потому что, если она смогла найти в себе силы отмечать и наслаждаться своим взрослением, значит, я не сломал её окончательно.

Хотя бы это…

Парни ещё в мае начали замечать, что кто-то забирает её после школы. Её и подружку Вику. Какой-то чел на дорогой тачке. Они не знали, кто такой, а значит, он точно не был из нашей старой школы. Но зато, по их словам, обнимал её так, что они сделали для меня неприятные умозаключения.

И поэтому каждый раз, когда я оказывался наедине со сво-

ими мыслями, я что-то себе надумывал. О том, что он не такой как я. Что он спокойный… И наверное, не ввязывается в бесконечные драки, не сбивает кулаки в кровь и не смотрит на мир так, будто он против него.

Для меня эта новость была подобна ударам в солнечное сплетение. Кто бы мог подумать, что это в принципе возможно. Ведь есть разница между болью эмоциональной и физической, но нет. Я задыхался, сжимал кулаки, хотел сорваться, поехать туда, выяснить, кто он такой. Заслуживает ли вообще внимания моей девочки, не говоря уж про всё остальное. Но потом я вдруг осознал, что я не имею никакого права на это.

Я сам ушёл. Сам решил, что так будет лучше.

И если теперь рядом с ней человек, который не принесёт ей проблем, который не втянет её в очередной скандал, а просто будет рядом и не будет ничего ломать… То я, походу, должен быть благодарен ему. Даже если от одной мысли о том, как он открывает перед ней дверь, к примеру, или подаёт руку, как смотрит на неё мне хочется разбить что-нибудь. Желательно его ебало, конечно, но я сдерживаюсь. А если поцеловать? Лучше вообще не думать об этом.

– Эй, Макс, ты там уснул, что ли?! – звучит голос моего начальника, вырывая меня из этих негативных мыслей. – Давай, не стой столбом, у нас клиент ждёт! За что я вообще вам плачу, а?!

Я докручиваю последний болт и иду к тому самому кли-

енту, чтобы сдать выполненную работу.

Но вечером, когда я возвращаюсь в свою пустую квартиру, тишина снова начинает говорить со мной. Это безумие, но это правда. Я снова лезу смотреть наши фотки. Одну за другой… Я снова смотрю в её огромные голубые, полные надежд глаза и всё будто по-новой. Поцелуи, признания, смех. Один только Господь знает, чего мне это стоит…

Но я не стану лгать, что не жил эти два года. Я жил, конечно, как живут все люди. Ходил на пары, сдавал зачёты, учился разбираться в схемах, которые раньше казались мне бессмысленным набором линий. Я работал, копил, пытался построить что-то своё, и даже общался с девушками. Пытался её забыть, чтобы хотя бы ежесекундно не думать о нас. Не ради себя, а ради неё. Чтобы, если когда-нибудь мы с ней снова встретились бы и нас снова, будто по волшебству притянуло друг к другу, я бы мог сказать ей «спасибо за всё». За то, что научила так сильно любить. Научила принимать решения. Пусть не всегда правильные, но важные…

Но забыть, конечно, не получилось. Точнее, не получилось только у меня, кажется. Потому что забыть значит стереть. А я не хотел стирать ни одного дня, ни одной секунды и ни одного взгляда, которые когда-то переплетались, будто намертво. Которые несли в себе не только любовь, но и общую боль. Я должен был всё помнить…

И хотя парни пытались убедить меня в том, что она грустит, да и мама писала, что ей было плохо, что она не забы-

ла, что до сих пор чувствует что-то... И может даже слегка ненавидит… Ведь я реально повёл себя как мудак в попытке скрыть от неё правду. Я всё равно держался.

Ну а чуть позже случилось то, чего я больше всего на свете желал и боялся одновременно… Не, потому что был эгоистом, а потому что во мне стала пускать свои корни ревность. Ведь моя Лиза начала улыбаться. Начала радоваться и выбираться в свет на люди. Гулять… Мне рассказали, что она нашла новых друзей и даже пошла на танцы из-за своей Викули. Я тогда задумался, конечно. Заревновал ещё хлеще… Потому что где танцы, там и парни, как мне казалось… Не знаю, почему я так думал. Но факт оставался фактом. Она жила дальше, и это было важно для меня. Мне оставалось принять это и не мешать.

Первое время я так и делал. Крепился, как мог. Не писал, не звонил, даже не появлялся в сети. Потому что знал, что если я вернусь, всё начнётся заново. Что те людишки могут снова начать копать и втыкать палки в колёса. Наше счастье ведь никому не давало покоя.

И я не хотел снова ставить её перед выбором снова.

Но сегодня ей наконец исполнилось восемнадцать…

Телефон вибрирует на столе. Я даже вздрагиваю, будто меня по инерции задевает. Вдруг это она? Вдруг неожиданно решила снять блок?

Ага, конечно… На экране высвечивается имя отчима. Да и с чего бы ей звонить мне, правда? Она давно забыла… Да-

же не спрашивает обо мне у матери… Наверное, год уже точно.

– Алло, – отвечаю я сухо. Уж не знаю для чего он звонит. Но звонил крайне редко. Я даже прислушиваюсь, потому что так или иначе любой разговор с ними это связь с ней.

– Макс, – взволнованно начинает Андрей. – Тут случилась небольшая неприятность… Ну или большая. Полина попала в аварию. Ты только не переживай… Сразу скажу, ничего серьёзного, врачи говорят, всё будет нормально. Но она в больнице. Нужно приехать, наверное…

Когда-то я уже получал тревожные звонки. Когда-то я лишился отца… И когда речь заходит за маму и больницу, я тут же подрываюсь на месте, будто меня кипятком облили.

– Как это случилось? Где? Она в сознании?

– В сознании – да. Пару переломов. На кольце где-то… Из-за дождя видимость очень плохая…

Из-за дождя…

– У вас тоже льёт, да? Как она вообще?

– Не то слово… В целом нормально. Просила тебе не говорить. Но я не смог…

– Я приеду… Сейчас соберусь. Когда можно навестить её?

– Чем раньше, тем лучше, – отвечает он, будто сам собирался попросить. И я вроде понимаю, что должен обязательно ехать. Но это чувство, что ковыряет меня изнутри, не даёт нормально размышлять…

Я сбрасываю звонок и начинаю собираться. Туда, где всё

когда-то началось…

Мне снова придётся увидеть этот город, эти улицы, этот дом… и её. И теперь я должен буду пройти мимо, сделав вид, что ничего не чувствую, что два года разлуки выжгли всё дотла…

Но я-то знаю, что это не так. Думаю, что не только я это знаю. Думаю, что все, кто видят мою унылую морду, это понимают… Вопрос, что чувствует она? Осталось ли там что-то?

Я быстро достаю из шкафа рюкзак, кидаю туда самое необходимое. Часть вещей всё равно есть дома. Да и не так уж я вырос, кажется… Что-то да должно подойти.

Беру телефон, покупаю билет до дома…

И понимаю, что даже если это снова разобьёт мне сердце, даже если Лиза не захочет меня видеть и даже если плюнет мне в лицо при встрече, я должен это сделать.

И хотя я могу убедить всех вокруг, что поехал туда к матери, из-за аварии, то себя самого вряд ли смогу…

И совру, если скажу, что не хочу увидеть её…

Я очень хочу. Чёрт, я мечтаю об этом с того самого дня, как перешагнул порог своего отчего дома и свалил в этот долбанный Питер…

*Мои дорогие, отвесьте звёздочек на старте, пожалуйста! Это делается в самой карточке книги! Слева от значка с книжками есть звёздочка «мне нравится». Её нужно нажать))) Спасибо большое) А ещё напоминаю, что каждый

Ваш комментарий помогает автору творить быстрее и писать интереснее) Обнимаю!

Визуалы

Лиза Широкова и Максим Волков

16/18

Глава 1.

Лиза Широкова

Сегодня мне исполняется восемнадцать лет. Это даже звучит странно. Я так ждала, а теперь… Проснулась ровно так же, как и в семнадцать, и в шестнадцать, и даже в двенадцать, когда мама ещё была рядом – с этим странным чувством, будто день ещё не решил, каким он будет, хорошим или плохим… Я просто не вижу никакой разницы. Ничего не изменилось.

Просто обыкновенное утро… Просто идёт ливень, напоминая о том, что всё не может быть и не будет идеально.

Как было в моём сне сейчас... В нём Макс никуда не уезжал, мы сидели на подоконнике, обнимались, болтали обо всём на свете и смеялись над чем-то, что сейчас уже и не вспомнить… Так странно, что если задуматься, я могу воспроизвести любой наш разговор, а если нет, то всё теперь, как серое замызганное пятно воспоминаний. Будто через пелену слёз. Он не переставал мне сниться или мерещиться в темноте… Но стоило открыть глаза, как реальность возвращалась... И в ней Макса не было…

Но я жила. Не просто существовала, а именно жила. После школы я подрабатывала в небольшом кафе недалеко от дома – том самом, где мы с Максом однажды сидели после зимней прогулки в лесу, там всегда пахнет свежей выпеч-

кой, крепким кофе и вечным беспокойством, которое витает в воздухе… Там люди всегда торопятся, пьют на ходу и забывают зонтики. Поэтому у нас для таких случаев уготовлена небольшая полочка с крючками, которую мы назвали «Уголок потеряшек». Банально, знаю. Но как есть.

Вместе со мной работала Вика. Мы носились между столиками, улыбались, даже когда хотелось плакать, и делили на двоих не только чаевые, но и все маленькие радости и горести этого места… Но совсем недавно Вика сломала руку. Просто поскользнулась на мокром полу, упала, и теперь вынуждена была сидеть дома, пить чай и ворчать, что без работы ей скучно, а я бегала между столиками одна, чувствуя, как эта пустота рядом становится всё заметнее.

Мы с Викой и нашем другом Даней планировали снять квартиру втроём. Уже присмотрели вариант, не прям шикарный, но довольно неплохой, с видом на старый дворик, где по утрам чирикают птицы, а вечерами можно посидеть на улице и поболтать... Даня сдал на права, как только ему исполнилось восемнадцать, это было в мае. И он постоянно возил нас. Ну а теперь только меня, потому что Вика сидела дома…

Мы сдали экзамены, поступили в университет – туда, где смогли пройти по баллам, и это уже было для меня маленькой победой. Потому что вопреки всем ожиданиям и представлениям я не училась хорошо. Просто не хотела… Да и зачем? Лезть из кожи вон, чтобы быть тем, кем не являешься? Мне и так было тяжело… Каждый день и без того казался

маленьким шагом вперёд, как будто мы учились быть взрослыми… И мне нравилось это.

Платье для сегодняшнего вечера я купила неделю назад. Оно тёмно-синее, почти чёрное, но в свете ламп становится глубоким, как ночное небо. Я долго стояла перед зеркалом в магазине, крутилась, смотрела на себя и думала, неужели это я? Та самая девочка, которая пряталась от чужих глаз на дискотеке, обнимая сводного брата? Та самая, которая думала, что после того, как он меня бросил, я не смогу жить…

Но теперь я уже могла ответить себе – да. Это всё ещё я… Но уже другая.

И нет… Как бы ни хотелось, я не забывала его. Ни на день, ни на час. Просто воспоминания со временем поменялись. Если раньше они были яркими, будто каждый момент отпечатывался на подкорке, то теперь они стали намного приглушённее, как на старом потрёпанном фото.

Иногда, когда я закрывала глаза, я всё ещё чувствовала его запах... Именно его особенный запах… От которого у меня порой шевелились уши. Может, я сумасшедшая, но я слышала и его упрямый, родной голос. И даже звук мотора его мотоцикла… Я чувствовала вибрации, что шли по телу, когда я сидела сзади и прижималась к нему, утыкаясь лицом в его куртку, когда мы неслись навстречу ветру и не думали ни о чём, кроме друг друга…

Но теперь эти воспоминания уже не заставляют меня умирать от боли. Они просто есть, и этим всё сказано.

И я даже представляла нашу случайную встречу… Убеждала себя, что если когда-нибудь увижу его снова, то ничего не почувствую… Быть может, улыбнусь, помашу ему, спрошу, как дела. И сердце не напомнит мне лишний раз о том, как сильно я когда-то скучала по этому человеку...

Потому что теперь у меня своя жизнь. Свои планы. Своё восемнадцатилетие, которое я хочу отметить в ресторане, в этом новом платье, с людьми, которые знают меня новую. Взрослую и самостоятельную. Не ту девочку, которая когда-то стояла в школьном коридоре, тряслась и боялась, что весь мир будет против неё… Которая ждала его возвращения и молилась…

Я хотела стать сильнее. И я ей стала.

Сейчас я еду на свою смену в кафе. Принимаю заказы, улыбаюсь клиентам, довольствуясь хорошими чаевыми, и стараюсь не замечать, как ноют ноги и как хочется просто сесть и больше не двигаться. Я бы могла взять отгул, конечно, на сегодня, но не стала… И в этом есть своя прелесть, потому что это делает меня взрослой. Это моё личное решение. Я зарабатываю сама, знаю цену деньгам. Устаю – да. Но это не важно. Все вокруг выматываются. Такова правда жизни. Если хочешь чего-то добиться – старайся. И у тебя будет всё.

И каждый раз возвращаясь на кухню, я ловлю себя на мысли, что сегодня у меня особенный день. Я буду отрываться. Я хочу отрываться. Не потому что мне восемнадцать, а потому что я справляюсь с проблемами сама. Я не закрылась.

Не сломалась. Не сдалась. У меня есть друзья, есть родители, есть работа и планы на будущее. А значит, всё у меня по-настоящему нормально…

Когда смена наконец заканчивается, я снимаю фартук, смотрю на своё отражение в окне и вдруг осознаю, что улыбаюсь. Потому что впереди мой вечер. Моё восемнадцатилетие.

Я приезжаю домой, перебираю вещи, и останавливаюсь на том самом платье. Надеваю его и на мне оно смотрится обалденно… Всё так, как я мечтала. За исключением одного маленького нюанса… Но о нём лучше не вспоминать вообще.

Телефон звонит как раз тогда, когда я уже одета и застёгиваю серёжки. На экране высвечивается «отец»... Я думаю, что он хочет меня предупредить, что они подъедут позже, потому что опаздывают, но…

– Привет, пап, – снимаю я радостно. – Ты как? Уже на месте?

– Лииииз, – его голос звучит непривычно сдавленно. – Тут… тут случилось кое-что. Полина попала в аварию. – частит он. – Ничего серьёзного, врачи говорят, всё будет нормально. Но она в больнице. Нужно было приехать. Извини…

Я замираю в ужасе и смотрю на своё отражение в зеркале. Ком подкрадывается к горлу. Почему-то мне становится так страшно.

– Я тоже приеду… – сообщаю я сразу же, не раздумывая. – Сейчас соберусь и приеду.

– Может, не надо? – чувствую, что он напрягся, но ещё не понимаю истинной причины. – Там дождь, пробки… Да и праздник у тебя…

– Надо, пап, – отвечаю я, уже снимая платье и доставая из шкафа джинсы и свитер, чтобы можно было лететь в больницу. – Я так не могу…

Он не отговаривает меня, конечно. Только вздыхает, будто не хотел, чтобы так вышло. Да и кто бы такого хотел?

– Хорошо, – шепчет он. – Будем ждать... Извини ещё раз, что так…

– Пап, да прекрати… Я скажу Вике, что буду позже, она пока там всё разрулит вместе с Данилом.

– Хорошо, как скажешь, дочка…

***

В больнице мне, как всегда, не по себе... Я не люблю такие места… По понятной причине. Я всё ещё вспоминаю, как умерла моя мама… Дождь стучит по окнам, и я дрогну, когда приезжаю сюда и двигаюсь в сторону палаты, в которую положили Полину…

– Привееееет… – я тут же обнимаю их по очереди. Её особенно аккуратно. Думала – всё совсем плохо, но, Слава Богу, нет…

– Прости, что испортила тебе праздник, дорогая, – шепчет она, и в её глазах столько вины, что мне неловко.

– Ты не испортила, – улыбаюсь я, садясь на край её кровати. – У меня ещё весь вечер впереди. Да и… знаешь, ино-

гда лучший подарок – это просто знать, что с близкими всё в порядке… Я всё равно хотела с вами побыть…

Она сжимает мою руку.

– С Днём Рождения ещё раз, котёнок. Пусть у тебя всё будет замечательно. Ты у нас такая молодец… Экзамены сдала, работу нашла… Да ещё и поступила уже… Умница…

– Спасибо, Полин… – улыбаюсь я, а потом чувствую, как телефон в моем кармане начинает жужжать и тут же тянусь к нему, увидев номер подруги на экране. – Ой… Извини, это Вика… Я сейчас…

Выхожу в коридор, чтобы объяснить ей, что пока делать... Ведь дождь всё ещё льёт, как из ведра, и я не смогу просто бросить Полину в таком состоянии… Стою, записываю ей голосовые, прислушиваясь к звукам на улице. Как капли барабанят по крыше с такой силой, что буквально оглушают меня… И думаю о том, что всё-таки выросла. Даже не старалась выбраться из того образа специально, но выросла…

И вдруг… Я слышу чьи-то шаги со стороны…

Поворачиваю голову и чуть ли не падаю на месте… Ноги непроизвольно подкашиваются.

Потому что там стоит он…

Я не могу дышать. Кажется, не могу даже соображать. Мир вокруг вдруг начинает кружиться и хочется схватиться за что-нибудь, чтобы устоять на ногах.

Почти два года… Столько времени прошло в тех пор, как мы виделись с ним в последний раз, а я узнаю его сразу. Без

лишних слов. По его серо-голубым выразительным глазам, по пухлым губам, которые когда-то целовала… Даже по тому, как он стоит, чуть склонившись, пока с ёжика его волос стекают капельки дождя, делая их чуть темнее на тон.

Он выглядит старше и взрослее, но всё такой же красивый, конечно…

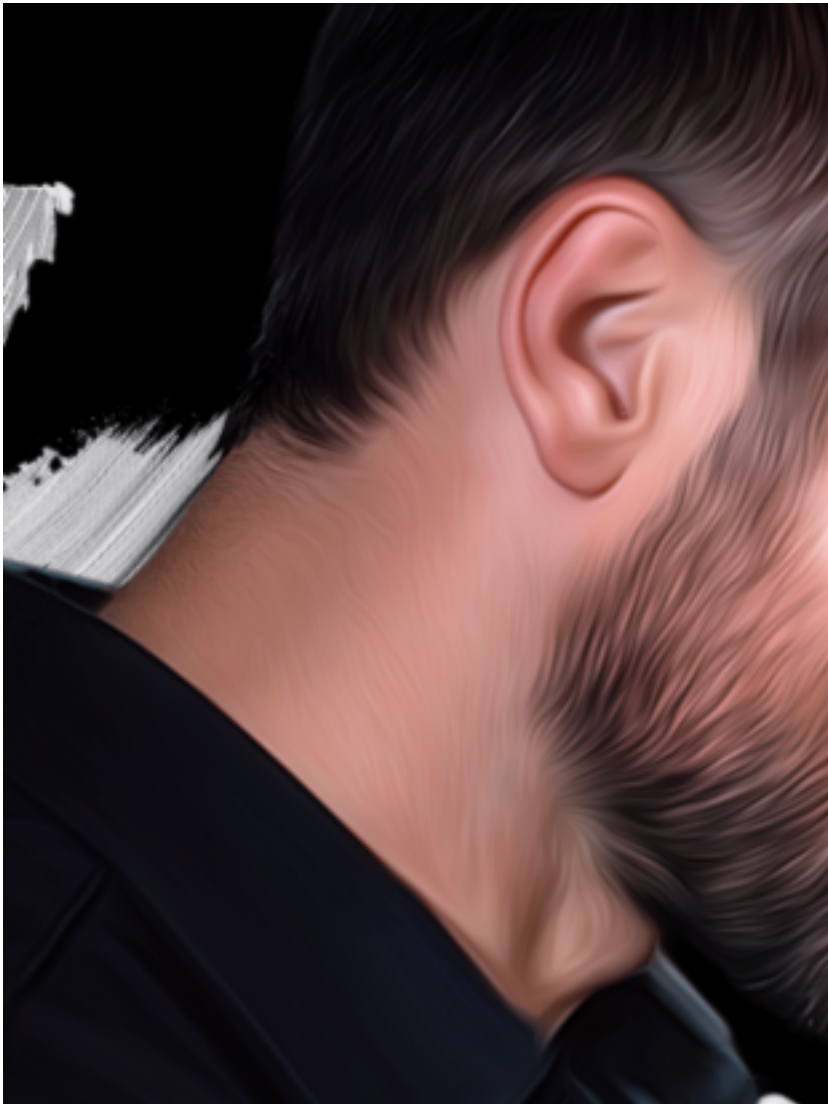
Мы смотрим друг на друга, и время останавливается… Всё замирает и затихает в этом безмолвном пересечении взглядов. У меня сковывает грудную клетку.

И я понимаю, что не могу ни пошевелиться, ни заговорить, как планировала в мыслях. Я ничего не могу – внутри всё так же болит, будто мне снова шестнадцать и мальчик, которого я люблю, говорит, что я слишком маленькая для него, что нам надо расстаться… А боль, она пронзает с новой силой и не даёт мне дышать…

Зачем он вообще вернулся…? Чтобы окончательно сломать моё сердце?

***

Книга участвует в литмобе «Снова ты», 18+
https://litnet.com/shrt/XIfg

Глава 2.

Максим Волков

Если задуматься, я ещё не понял, что случится… Будто и не ожидал даже.

Меня подташнивает, особенно на голодный желудок. Я давно не ел… А хочется. Даже башка болит.

Но я стараюсь держать себя на плаву, пока вдруг не вижу в глубине тёмного коридора больницы знакомую фигуру у окна… И у меня внутри сразу же происходит взрыв.

Вашу мать. Это она… Она, блин.

Лиза оборачивается, словно услышав меня, и чуть ли не пошатывается на месте…

Наши взгляды переплетаются. Мне даже кажется, что в помещении исчезает весь кислород, и всё, что я прятал в себе эти два мучительных года, в одночасье лезет наружу. Как там говорят? Время лечит? Время вообще нихрена, блядь, не лечит. Оно только растягивает боль, делает её перманентной… Чтобы ковыряла тебя изо дня в день. Каждую ебучую секунду… Как сейчас.

– Привет… – хриплю, будто курильщик. Но это не так. Я даже не начинал. Отцовская привычка так и осталась за гранью моего понимания. И хотя бы этим я могу гордиться. Но всем остальным – нет. – Я к матери приехал… – выдыхаю с паузой, ощущая, как меня потряхивает. – С Днём Рождения,

Лиза.

Она сглатывает, кивнув, и внутри меня что-то переворачивается, потому что её взгляд больше не горит. Ни улыбки, ни каких-либо других эмоций. Ничего… А я будто чего-то ждал? С хера ли ей радоваться моему присутствию, правда?

– Спасибо. Я только что оттуда. Вышла позвонить. Извини, – шепчет она бесцветным голосом. – Я ещё не договорила… Вернусь позже.

И уходит вдоль коридора, что-то печатая в своём телефоне, пока я стою с этой невыносимой тяжестью в груди, которая бьёт плетьми прямо по моему и без того потрескавшемуся сердцу…

Смотрю ей вслед, и внутри всё сжимается так, что дышать тяжело… Хочется догнать, схватить за руку, прижать к себе и просто стоять так, пока весь этот ебучий мир не перестанет существовать. Но я не двигаюсь, потому что вижу, что она не хочет этого. А делать что-то против её воли сейчас не могу. Не имею права… А потом она просто исчезает за поворотом.

И я иду прямиком в палату матери. Туда, где моего присутствия, кажется, ждали целых два года… Но боялись позвать обратно из-за обстоятельств, сложившихся в нашей семье…

Едва захожу туда, как от сердца отлегает. Внутри сразу же отзывается что-то тёплое… Я их столько не видел. Был один и признаться, в этом тоже были свои трудности и печали.

Андрей сидит рядом с ней, нервно ковыряя край её одея-

ла… И они замирают, когда видят меня здесь.

– Привет, мам… Привет, Андрюх, – выдавливаю я, стараясь выглядеть спокойно. Но мне нифига не спокойно… Мне кажется, от моих внутренних переживаний вибрируют даже чёртовы стены…

– Привет, Макс, – мама продолжает улыбаться, а мне становится стыдно. Стыдно, что я уехал. Стыдно, что заставил её переживать. Стыдно, что не приезжал даже… Хотя все знали настоящую причину моего столь длительного отсутствия… Ну, все кроме неё… Так уж сложилось… Ничего не изменить уже.

– Ну как ты, бедолага? Как умудрилась-то? – пытаюсь шутить, хотя бы немного разбавив атмосферу. Потому что тут она и без того, скажем прямо, весьма непростая и трагичная… Даже без нашего с Лизой участия.

– Вот так… Машину угандошила, – она фыркает, и этот звук такой родной, что на секунду я забываю про то, что сейчас случилось в коридоре. Та сцена, которая по идее выжала меня как лимон…

Смеюсь ответно…

Андрей хмыкает.

– Главное, что сама жива, дурочка…

– Тут ещё Лиза… – мама смотрит на меня внимательно. Что там пытается разглядеть? Шрамы? Так вот они… На видном месте. Разве я их прятал?

– Я знаю. Я уже её видел, – отвечаю, не желая развивать

этот разговор. Не сейчас. Пожалуйста, не сейчас. Я, сука, просто взорвусь, если мы реально начнём колупаться в моих чувствах снова…

Хорошо, что они оба это понимают. Никто не стремится лезть мне под шкуру.

Разговариваем на отстраненные темы. Матери уже наложили лангету. Так что я отшучиваюсь, что посуду сегодня мою я, если что…

А потом дверь снова приоткрывается… И сюда заходит Лиза…

Останавливается на пороге, несколько секунд будто думает остаться или уехать прямо сейчас. Будто бы и впрямь способна так поступить… Но вот я не способен. Я хочу притянуть к себе. Хочу согреться с ней в этом холоде… Как раньше. Только вдвоём… Как долбанные пингвины в мороз. Я ведь до сих пор помню, как она бежала ко мне сломя голову, когда я возвращался домой… Как прижималась ко мне, встав на носочки и её не смущало даже то, что я только что с холода. Что все смотрят. Что нас могут наругать за это… Я всё это помню. Ношу в себе… Как что-то очень-очень ценное… Берегу.

Родители переглядываются, увидев нас вместе в одном помещении снова. Этот взгляд я знаю наизусть. Они переживают, что у нас не зажило… Но я вижу, как Лиза садится на стул у окна, прячет руки в рукава своей кофты, смотрит в телефон, будто там вся её жизнь на данном этапе. Пытается

абстрагироваться. Будто она здесь из чистой необходимости. И её будто передёргивает от моего присутствия.

Телефон у неё вибрирует снова и снова… Ведь сегодня тот самый вечер, к которому она так долго готовилась… Я вижу, как она каждый раз вздрагивает от звука, как будто её бьёт током. Меня и самого дёргает даже на расстоянии.

– Лиз, – голос мамы звучит мягко. – Езжай праздновать. Ты так этого ждала. Столько старалась. Не надо из-за меня портить себе праздник.

– Да нет, Полин, – Лиза качает головой, не поднимая глаз. – Там Даня выпил, а такси ждать ещё долго… Я лучше тут посижу. С вами.

Внутри у меня всё сжимается, когда я понимаю, что слышу из её уст имя другого парня. Даня, блядь… Ебать, как же меня трясёт. Даже челюсть сжимается от напряга, что уж говорить про кулаки. Я не знаю, когда в принципе смогу разжать руки.

Но Андрей вдруг неожиданно смотрит на меня.

– Макс, отвези Лизу до ресторана, – говорит он спокойно, будто речь идёт о чём-то обыденном... А нас вообще спросили? Знает же, что не могло оно пройти. Не могло просто так. Такое не проходит, чёрт возьми. Но он протягивает мне ключи. И я просто вынужден разжать кулак. – Вот отвези, пожалуйста… А я с Полиной буду…

Они падают мне в ладонь. Это заговор или шанс? Я чего-то не пойму…

Лиза хмурится, смотрит на отца, потом на меня, готовая запротестовать в любую секунду, и мне физически больно от её взгляда.

– Нет, не надо, – быстро говорит она, мотая головой. – Я сама. Закажу такси. Или вообще не поеду…

– Лиза, – мама снова настаивает. – Ты купила платье, готовилась… Не отказывайся от этого из-за нас. Пожалуйста. И такси сейчас будет ехать очень долго… Погода отвратительная…

Лиза опускает глаза. Вижу, что её мотает. Она сама хочет уехать. Уверен, из-за меня вдвойне… Но ехать туда со мной? Вот это вопрос…

– Да не бойся ты, я не кусаюсь, – пытаюсь улыбнуться, хотя у меня дерьмово получается. – Отвезу тебя куда надо…

– Я не боюсь, – фыркает она резко и даже немного обиженно. Мне на секунду кажется, что ничего не изменилось между нами. Всё по-прежнему… Она всё та же Лиза. Просто выросла. И делает то же самое, что и я. Прячет свою боль за сарказмом и грубостью. И я её понимаю.

– Тогда поехали. Сначала домой. Я оставлю вещи, а ты сделаешь свои дела…

Она молча встаёт и идёт к двери. А я тащусь за ней, чувствуя, как внутри болит…

Даже не знаю, как мы доезжаем в итоге… Потому что оказаться с ней в одном пространстве, будь то комната или салон автомобиля, убийственно… Моё сердце меня оглушает.

Но я вижу, как категорично она настроена. Смотрит в окно, молчит. Изредка нарочно пишет кому-то сообщения… На меня не обращая никакого внимания, будто я таксист. Хочет чтобы ревновал? Отлично. У неё пиздец как хорошо это получается…

Потом мы доезжаем до места, и она просто вылетает из машины, убегая домой… Я же выхожу медленно, даже если дождь хреначит как из ведра, достаю сумку из багажника… Мне нужно хоть немного остыть.

В отчем доме стоит тишина… Я оставляю сумку в прихожей, вешаю куртку, а сам замираю, прислушиваясь к звукам наверху… Я слышу каждое её движение. Даже то, как она дышит… Кажется… А может и звуки сердца…

Меня ломает. Просто на части. Старые ощущения накатывают с такой силой, что держать морду лица спокойной намного сложнее, чем я думал. Хочется подняться, встать в дверях её комнаты, на пороге, как раньше… Просто посмотреть, как она собирается, как поправляет волосы, как её голубые глаза проникают внутрь моей испорченной души. Как когда-то, когда она спросила «А мне можно с тобой тусить?». Я даже этого забыть не могу. Ни голоса, ни вопроса… Ни того, к чему это в итоге привело… Как мы стояли в обнимку за старым стадионом. Как я грел её в своих руках… И как она на меня тогда смотрела…

Я бы пошёл за тобой на край земли, если бы ты позволила…

Но я стою внизу, вцепившись пальцами в перила, и жду… Жду, как еблан, потому что ни на что больше не имею права…

Потом она спускается. И снова отправляет меня в нокаут.

На ней надето тёмно-синее платье в пол… Разумеется, я не забыл, как роскошно она выглядит в платьях. Нет… Но в этом она, блядь, божественно прекрасна… И как я это потерял? Как умудрился? Скажите…

– Роскошно выглядишь, – выдавливаю я через силу. Не потому что не хочу сделать комплимент, а потому что каждое слово тяжело даётся.

– Ага. Благодарю, – отвечает резко и абсолютно бесцветно, как будто это просто вежливость, как будто мои слова ничего для неё уже не значат. – Ты отвезёшь меня или мне заказать такси?

– Отвезу, конечно, я же сказал, – киваю, сжимая ключи в руке. Нарочно что ли издевается надо мной, я не пойму?

– Тогда идём, – она хватает плащ с вешалки, быстро накидывая на плечи, и выходит на улицу. А я за ней… Словно верный пёс.

И мы снова молчим… Всю дорогу она смотрит то в окно, то в телефон. Я хочу что-то сказать, но слова не идут. Они застревают в горле так и не сказанными… Да и что бы это были за слова? Лиза, прости меня, я тогда уехал не потому что ты маленькая, а потому что тебя могли забрать из нашей семьи?

Как же это, блядь, сложно… Где отыскать в себе ресурсы? Где, мать вашу, их взять-то?!

Когда останавливаюсь у ресторана, она поворачивается ко мне… Глаза у неё красные. Она быстро указывает мне направление пальцем.

– Здесь? – спрашиваю я, проглатывая ком.

– Да, здесь, – кивает она.

Я торможу машину возле рестика, где шумит музыка… Паркуюсь, а она начинает быстро вошкаться, чтобы поскорее выйти.

– Не пригласишь даже? – вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать.

Она смотрит на меня долго. Мне даже становится не по себе от этого пронизывающего взгляда… А потом она столь же резко и сухо отвечает в своей новой манере:

– Извини. Но нет.

И выходит из машины, тихо закрыв за собой дверь. А я остаюсь один. Сижу, сжимаю руль до побелевших костяшек и смотрю, как она уходит туда, ни разу не оглянувшись… У меня внутри всё болит.

И что мне, сука, теперь делать с этим?!

Глава 3.

Лиза Широкова

Боже, дай мне сил, я молю…

Это мой день. Мой День Рождения! А сейчас я захожу в ресторан на дрожащих двоих и не могу дышать…

Всё внутри сжимается. Пульсирует, болит. Я с трудом вытерпела его общество… Это мой праздник! Моё подтверждение, что вся прошлая жизнь наконец осталась позади… Но сейчас я даже идти прямо не могу, не то, что радоваться этому дню… И никакие слова, никакие чёртовы поздравления не исправят этого. Даже если я ждала этого дня и мечтала о том, что всё пройдёт идеально. Как же мне плохо. Боже…

Я специально его не позвала. Потому что знала, что если он будет здесь, этот вечер просто пойдёт крахом. Я злилась на него до сих пор – злилась за то, что он решил всё за нас, за то, что ушёл, за то, что заставил меня учиться дышать заново без него. И хуже всего было то, что ничего не прошло. Ни боль, ни обида, ни эта глупая, упрямая надежда, которую я каждый день давила в себе, словно назревший гнойник.

– Лиза! – Вика кричит так, что выдирает меня из моих мыслей, и я пошатываюсь на месте, будто от землетрясения. – Лииииз! Сюда! Мы тут! Наконец-то!

Здесь сейчас все мои друзья. И Даня, и Вика, другие од-

ноклассники, с которыми я подружилась и даже несколько девочек из нашей университетской группы. В июле был сбор после вступительных, и мы познакомились. Но полноценно учиться вместе начнем лишь в сентябре, как и все…

Они кучкуются вокруг меня. Хотят сфотографироваться… Радуются, а у меня в груди будто здоровенный осколок, который мешает мне дышать…

Я не успеваю даже поймать этот день, удержать его в руках, а потом и вовсе замечаю, как двери снова открываются… Замираю в моменте…

Потому что в зал нагло и самоуверенно заходит он.

В ту же секунду время будто замедляется. Вика, которая только что смеялась, вдруг замирает, её глаза становятся огромными, как два блюдца… Я ведь даже не успела ей сказать, хотя хотела, просто слов не нашлось…

– О, Боги… Это…??? – шепчет она в ужасе. – О, Боже…

Даня тут же поворачивается, смотрит на Макса, потом на меня. В его взгляде вопрос. А я не то, что не смогу на него ответить… Я даже сама осознать до конца не могу. Не получается.

– Кто это? – спрашивает он настороженно. Словно он ему заранее не внушает доверия…

Я вижу, что Вика уже готова выпалить всю нашу историю, но мотаю головой, опережая, чтобы не вздумала. Не сейчас. Я не выдержу!

Однако подруга всё равно шепчет, наклонившись к нему:

– Лизин бывший.

И меня буквально разрывает изнутри. Эти слова как выстрелы. Сначала один в грудь. Потом второй, прямо в лоб – контрольный.

Я хмурюсь, чувствуя, как злюсь на Макса. На его эгоизм. На его наглость. Он проходит дальше, не глядя по сторонам, будто знает, что все на него смотрят, и ему при этом всё равно. Садится за один из свободных столиков, чуть в стороне, но так, чтобы видеть всё. И видеть меня. Я его ненавижу…

Внутри меня всё горит. Я мучаюсь в сомнениях как поступить. Закричать, выгнать его отсюда прочь или сделать вид, что вообще его не знаю… Что он просто бомж, который случайно зашёл сюда погреться…

Но я не могу. Он здесь. И он смотрит на меня. Я чувствую этот взгляд кожей. Я его на себе ощущаю… Как ветер.

Не выдерживаю. Подхватываю Даню за руку, чуть крепче, чем нужно, и тяну за собой.

– Пойдём потанцуем, – выпаливаю, стараясь заглушить то, что сейчас рвёт меня изнутри. Вика округляет глаза в ужасе, увидев, что я творю… Я и сама не знаю, что это такое. Никогда так не делала. Но, блин! Меня бомбит!

Даня смотрит на меня с лёгким удивлением, но не противится. Наоборот, с радостью поддерживает меня ведёт меня на танцпол. И я делаю вид, будто бы просто счастлива. Танцую с другом… Всё так, как должно быть…

Но краем глаза я вижу его… Он не сводит с нас взгляда.

И я физически ощущаю эту ревность – тяжёлую, колючую, будто она висит между нами невидимой стеной. Он ревнует. И от этого мне одновременно и горько, и сладко, и невыносимо больно. Я же знаю Макса таким… Я его помню. От и до. Каждую эмоцию. Каждую его черту характера… Даже те, что нельзя помнить. Те, что особенно мне нравились.

А потом он делает то, от чего у меня темнеет перед глазами.

Он встаёт. Подходит к столику, где сидит Вика со своей сестрой – милой, улыбчивой Катей, с которой мы иногда гуляли втроём.

Он шепчет ей что-то на ухо, наклонившись, и она так громко смеётся. Для него... А потом довольно кивает с улыбочкой, встаёт, и они идут танцевать, встав практически рядом с нами…

Это удар под дых, от которого мне не хочется даже находится здесь. Такой, от которого больно за рёбрами и тяжело дышать. Он нарочно. Точно нарочно. Выбрал именно её. Хотя откуда он знал, кого выбирать? Может она ему просто понравилась? Будто бы если он пригласил кого-то другого, это было бы менее болезненно? Нет… Это было бы так же… Ублюдок, а…

У меня внутри всё сжимается так, что хочется закричать. Или заплакать. Или подойти и схватить его за рукав, дёрнуть к себе и влепить ему пощёчину…

Но музыка наконец стихает, не дав им долго меня мучить. И в этот момент Вика выхватывает микрофон из рук диджея – решительно, по-хозяйски, как человек, который точно знает, что сейчас нужно всем, чтобы отвлечься и прекратить это безумие. Потому что она знает всю правду. Она знает каково мне было всё это время… Только она это и знает…

– Итак, мои дорогие, – её звонкий голос перекрикивает музыку. – Давайте-ка стоп танцам и озвучим поздравления, а! Это важно! Именинница-то у нас уже с нами! Чур, я первая!

Она подбегает ко мне, обнимает, вручает небольшую коробку, перевязанную лентой, и начинает говорить без умолку… И всё бы ничего. Я бы честно слушала и поглощала каждое её слово, если бы не то, что я вижу там… В конце зала. Где Максим и Катя болтают…

И я с трудом выдерживаю…

Сжимаю кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони, и после Викиного поздравления, когда снова начинается музыка, но уже энергичная, я иду прямиком к нему. Не думая. Не взвешивая. Просто потому что если я сейчас не скажу ему всё, что крутится у меня на языке, я взорвусь.

– Зачем ты это делаешь?! – выпаливаю я, не обращая внимания на то, что вокруг люди, что кто-то оборачивается, что Вика замерла с открытым ртом. А Катя смотрит на меня вся бледная и сглатывает.

Макс поднимает на меня глаза. Спокойные. Слишком спо-

койные. Как будто это не он только что намеренно пытался меня задеть.

– Делаю что? – спрашивает он ровно, чуть наклонив голову, будто правда не понимает.

– Ты нарочно ведь! Ты назло сюда припёрся! – голос дрожит, и я ненавижу себя за эту дрожь, за то, что не могу говорить спокойно, как взрослый человек. – Я тебя не звала. Ты не должен быть здесь.

– Звала или нет. Я здесь, – отвечает он так же спокойно, и от этого спокойствия мне хочется броситься и расцарапать ему лицо.

– Я вижу, Макс, – шепчу я, и голос мой звучит уже тише, потому что злость вдруг смешивается с болью, и эта смесь обжигает сильнее всего. Я даже имя его вслух произносить не желаю. Мне неприятно. Но когда произношу – с трудом не плачу. – Но это нечестно. Это мой праздник.

Он встаёт. Буквально подкрадываясь ко мне. Зависает прямо передо мной. Я вспоминаю разницу в нашем росте. Я вспоминаю, каково это – смотреть на него снизу вверх. Я вспоминаю всё. Даже то, как тянуться к нему за поцелуем. Только на этот раз у него взрослая щетина на лице. Но это так сильно ранит, что я резко отсекаю эти мысли. А он только сильнее меня злит.

– Жизнь вообще нечестная, сестрёнка, – продолжает нагло. – Разве ты ещё не поняла?

– Какой же ты козёл… – выдыхаю я, и это звучит не как

ругательство, а как признание того, как сильно он меня ранит. Меня буквально взрывает на тысячи искр по всему залу. Правильно сделала, что не стала заказывать салюты. Они и без того, по-моему, получились…

И вдруг он то ли горько усмехается, то ли нервничает. Я не знаю… Но выдаёт то, что я услышать никак не ожидаю… Меня ещё хлеще выносит после этого.

– У тебя всё ещё есть шанс использовать удушающий газ, когда захочешь…

Он это нарочно. Какой же гад. У меня по всему телу проносится дрожь после этих слов. Это не смешно. Это больно… Вытаскивать то, что когда было общим, наружу.

Но сейчас я точно ему не сдамся. Пошёл он. Не дождётся.

– Я лучше вообще не буду обращать на тебя внимания, – я резко разворачиваюсь и иду отсюда прочь, ощущая себя так, будто меня облили керосином и подожгли…

Возвращаюсь к своему столику на дрожащих двоих и жадно пью воду, потому что во рту теперь так сухо, будто я кричала без умолку. Даже дышать тяжело… Вика тут же оказывается рядом и берёт меня за руку.

– Лиз… – шепчет она, глядя на меня с тревогой. – Ты как?

– Нормально, – отвечаю я, и сама себе не верю. – Всё нормально… Давайте дальше праздновать. У нас же праздник, да?

Конечно, мой голос дрожит. Я жалкая, знаю…

Она смотрит на меня ещё секунду, хмурится. И я пони-

маю, что она чувствует меня, как никто другой… После всего, что мы пережили вместе…

– Да, – кивает, одобряя. – И ты – именинница… Так что давай-ка, улыбайся, дорогая. Хотя бы ради меня. И знай, что Катя не виновата, она вообще не в курсе ситуации…

Я улыбаюсь, как она попросила, потому что понимаю, что она права. Катя не виновата, во всём виноват только он… И мне кажется, он вернулся, чтобы добить меня окончательно…

Глава 4.

Максим Волков

Ссора с ней выхлёстывает из меня все оставшиеся силы. Я и так был не жилец, а теперь вообще не представляю, как себя вести дальше. Пытаешься быть тем, что был прежде, так сразу же…

«Какой же ты козёл…».

И я не разозлился даже. Было бы на что. Нахер мне оно надо. Просто внутри всё, будто стянуло в кулак. Потому что я понимал, что она отзеркаливает меня самого.

Каюсь. Виноват. И не собираюсь сбрасывать с себя ответственность.

Но я же не мог просто смотреть, как она тусуется с этим парнем. Как он касается её своими потными липкими руками. Мне буквально хотелось сосчитать его зубы. Один за другим.

Естественно, меня по-чёрному накрыло… Кулаки сжались, зубы заскрипели. Просто из-за музыки не было слышно, да и я пытался давить в себе…

Видел же, что она это нарочно. Что смех у неё не искренний, что всё назло. И разумеется, мне хотелось взять и увезти её отсюда туда, где не будет ничего из этого вечера, в частности, этого тупого хера, который смотрит на неё так, будто уже считает её своей. Но она не его. Нихуя. И никогда его

не станет.

И я обещал самому себе держаться. Обещал, что на этот раз не сорвусь, не стану драться, не буду портить ей этот долгожданный праздник. Потому что я же не зверьё какое… Правда?

Только когда я вижу, как она растворяется в этом пацане, как старается не замечать меня, как делает вид, что моё присутствие ничего для неё не значит – все обещания рассыпаются в труху.

И тогда я делаю то, что, наверное, делать не стоило. Да не «наверное», а точно. Но на эмоциях я подхожу к этой девчонке – сестре Вики, и думаю, почему бы нет… То, что надо…

Ты же бьёшь меня, родная. Жалишь, убиваешь. Почему я должен просто терпеть?

Поэтому и приглашаю её танцевать. Вижу же, что симпатизирую. Она сразу обратила на меня внимание, как вошёл. Вот и сейчас улыбается, кивает, и мы выходим к ним поближе танцевать. Я болтаю с ней, немного флиртую – не потому, что она мне нравится, а потому что краем глаза вижу Лизу и то, как она замирает. Как её улыбка становится ещё более натянутой. Как она чуть крепче сжимает ворот этого Дани, будто пытаясь доказать себе, что ей всё равно.

А мне не всё равно. Ни на секунду, блядь.

Пока я танцую с этой Катей, все мои мысли только о том, чтобы въебать ему. Чтобы он отошёл от неё наконец. Пере-

стал трогать.

А она такой стала… Что слов нет. Взрослая… Уверенная… Где-то даже борзая... Ничего не боится или делает вид, что не боится. Грубит, хамит, смотрит прямо, не отводя взгляда, будто бросает вызов всему миру. А нет… Зря я так. Мне. Она бросает вызов только мне.

Вся из себя – такая независимая, такая сильная, такая невыносимо красивая, что от одного взгляда на неё у меня сердце сжимает в тиски.

Раньше она была другой. Ранимой, открытой, доброй… Теперь она строит баррикады, как когда-то делал я. Спрятавшись в своём панцире пытался отгородиться от всего мира. А потом именно она же меня оттуда и вытащила… Дала шанс на любовь. На жизнь…

Поэтому я чувствую её, вижу насквозь. И то, как она старается не смотреть в мою сторону, но всё равно бросает короткие, быстрые взгляды, тоже не оставляет сомнений... Её тоже колотит от одной мысли, что я здесь. И не обязательно в плохом ключе…

И в эти секунды я чувствую, что она тоже ревнует. И делаю я это нарочно, как умею. Не то, чтобы хорошо, но так, чтобы её задело. И я знаю, что это максимально стрёмно, но радуюсь тому, что внутри у неё, очевидно, всё ещё живёт то, что когда-то связывало нас… А это уже важно. И для меня, и для неё, думаю…

После нашего короткого разговора я как будто возвращаю

своё внимание к Катерине, но на самом деле не перестаю наблюдать за Лизой. За тем, как она принимает поздравления, как улыбается друзьям, как прижимает к себе подарок от Вики, вцепившись в него обеими руками, будто там что-то очень-очень важное. Но на деле, она просто прячет дрожь в руках, которую я могу разглядеть даже невооруженным взглядом.

Праздник тянется, но мне всё это кажется каким-то наигранным.

Даже то, как она пытается держаться подальше от меня. Хотя, очевидно, сама этого не хочет.

Когда вечер начинает подходить к концу, я решаю, что должен хотя бы попытаться что-то сделать, чтобы не уйти отсюда с чувством, что я просто сидел и смотрел, как она уходит от меня.

Меня аж передёргивает оттого, как она стоит у выхода и хватается за рукав этого парня.

– Лиз… Всё… Поиграли и хватит. Давай я тебя подвезу домой, – предлагаю я, подходя к ней, когда она прощается с друзьями, застёгивает плащ поверх платья. У меня голос срывается. Внутри всё дрожит. Я никогда трусом не был. Но сейчас, блядь, я клянусь, что боюсь. По-чёрному боюсь вообще что-либо делать, чтобы не было ещё хуже… Шаг влево, шаг вправо – расстрел.

Она замирает, чуть приподнимает брови, смотрит на меня так, будто я предложил ей какую-то дичь. А я изучаю её ли-

цо… Оно всё такое же, как раньше… Роскошные светлые волосы лоснятся до самой поясницы. Огромные голубые глаза топят в себе, не жалея… Пиздец красивая… Но что бы я ни сказал, сейчас не будет услышано как надо. Сто процентов.

– Нет уж, я поеду с Даней, – отвечает она быстро и раздраженно.

– Твой Даня вроде как бухой был, разве нет? – не сдерживаюсь я. Не хочу давить, но и не могу просто стоять и смотреть, как она садится в машину с человеком, который, возможно, не в состоянии вести. Да кого я обманываю? Это отговорки. Я в принципе не хочу отпускать её с кем-то другим. Тем более, с каким-то хуесосом.

– Нет, всё выветрилось, – отрезает она, отводя взгляд. – Спасибо за заботу.

Будто насмехается надо мной и тут же пытается убежать на выход.

Но я не выдерживаю. Хватаю её за запястье. Сжимаю. Хочу, чтобы она посмотрела на меня. Чтобы увидела в моих глазах то, что всегда, блядь, знала… Меня как током бьёт от одного прикосновения. Её тоже…

Я же всегда знал, что так будет. Через месяца, через года. У меня всегда на неё будет такая реакция. И у неё на меня тоже.

– Я за тебя так-то переживаю, – говорю почти шёпотом, чтобы никто больше не услышал. Хочу, чтобы всё это было только между нами. Я не ссориться сюда пришёл.

Но она отдёргивает свою руку, будто моё прикосновение оставило ей ожоги. Или того хуже, будто её тошнит от одного моего вида. Кому врёт только, а?!

– Раньше нужно было переживать! – рявкает на меня излишне громко, срываясь на эмоции. – А теперь у меня есть тот, кто за меня переживает! Не волнуйся!

И уходит, процокав каблуками по полу с гордо поднятой головой, не оглядываясь, будто вбивает последний гвоздь в крышку гроба наших отношений. А я стою и смотрю ей вслед, чувствуя, как внутри всё сжимается от бессилия. Сука! Вот что я ещё могу сделать? Не волочь же её домой силой, правда? Ничем хорошим такой мой выпад точно не закончится.

Сжимаю челюсть так, что зубы скрипят. И кулаки точно так же… Смотрю, как она выходит из ресторана, как садится в машину к этому Дане, как дверь закрывается, отрезая её от меня.

И в эту секунду принимаю самое важное решение в своей жизни.

Я не собираюсь уезжать отсюда. Я больше никуда, нахрен, не уеду. Я переведусь в её универ. Найду способ, договорюсь с ректором, сделаю всё, что от меня потребуется – но буду там. Буду каждый ебучий день мелькать перед её глазами. Даже если вскоре, она начнёт плеваться от одного моего присутствия. Срать. Она должна понять, что я не намеренно исчез тогда. Что у меня тупо не было выбора, иначе бы её во-

обще отдали в детдом.

Потому что сегодня я увидел главное, что она до сих пор не равнодушна ко мне. В её глазах уловил то же, что и тогда, два года назад. Почувствовал это в том, как она дёрнула руку, когда я коснулся её, словно хотела ранить меня этим в ответ.

И я чувствую, что внутри неё всё ещё горит огонь. Он не погас. И он всё ещё мой.

И я не сдамся. Не сейчас. Не после того, как увидел, что за всей этой бравадой всё ещё живёт та Лиза, которую я люблю. Которая помнит меня. Нас. Которая чувствует. Которая не может просто взять и стереть меня из своей жизни…

Какое там сегодня число? 18 августа…

У меня есть ещё целых две недели, чтобы решить всё документально и попасть туда.

Чтобы видеть её каждый Божий день. Так что если она думает, что сбежала, она, блядь, сильно ошибается на этот счёт… Однажды я уже потерял её, а вот теперь хочу вернуть своё обратно…

Глава 5.

Лиза Широкова

Не знаю, что должно произойти, чтобы я вытерпела это всё. И где мне найти силы. В машину к Дане сажусь вся на эмоциях, и он это видит. Вроде бы автообогрев включен, а меня трясёт, как Каштанку, при том, что на мне надет плащ, и на улице август… Только дождь сегодня идёт стеной, будто нарочно сопровождая его возвращение домой своим присутствием…

Всё внутри дрожит, вибрирует и теперь я никак не могу успокоиться. Как у него так получается, а?! Как?! Сволочь такая. Я его ненавижу!

Даня смотрит на меня с тревогой. И я же тоже не слепая. Понимаю, что хочет спросить. Только отвечать я заранее не хочу. Вообще ничего о том, что связано с Максом…

– Успокойся, Лиз, – говорит он осторожно. Он всегда таким был… Всегда бережно относился к моим чувствам. – Ну что случилось? Неужели ты к нему так много чувствуешь?!

Я пыталась похоронить в себе эти чувства… Я пыталась всё спрятать. Но они рвутся наружу, как росток, который спокойно рушит асфальт. Уму непостижимо, но правда… О которой никто не должен знать. Я захлопну её в себе навсегда, но не опозорюсь! Не буду больше слабой Лизой, которую он знал!

– Ничего! – огрызаюсь я, голос срывается на грубость, и я ненавижу себя за эту дрожь в голосе, за то, что не могу держать себя в руках. – Ничего не чувствую!

– Тем более, – бормочет он с огорчением, но мне становится ещё хуже. Потому что я вижу, что он что-то чувствует. Боже мой. Даже Даня это чувствует!

И я продолжаю плакать, вытирая слёзы дрожащими пальцами… Меня как прорывает. И остановиться подобно пытке. Как заставить себя преодолеть это всё? Если внутри всё огнём горит…

Только перед домом мне удаётся немного успокоиться. Не потому что боль исчезла, конечно, нет. Всё так же больно. Просто я будто выплакала все слёзы.

Даня глушит двигатель. В салоне становится тихо – так тихо, что слышно, как стучит моё сердце. Слишком громко, слишком быстро, будто оно пытается пробить мои рёбра…

Он поворачивается ко мне. Смотрит внимательно, будто впервые видит, будто сейчас, в этой тишине, он наконец-то решился сказать то, что копил внутри. И, прежде чем я успеваю что-то понять, прежде чем успеваю хотя бы подумать, он тянется ко мне губами…

И целует.

На секунду мир для меня замирает, погружаясь в вакуум. Я чувствую его губы и в этот момент во мне вспыхивает не ответное чувство, а чистый, ледяной ужас или отвращение. Не от него, конечно. Он-то хороший, добрый, он никогда не

хотел делать мне больно. Но поцелуй… Что это вообще такое????

– Ты что делаешь?! – вскрикиваю я, отшатываясь так резко, что случайно ударяюсь плечом о дверцу. Но боли нет, потому что меня накрывает в первую очередь недоумение от случившегося…

Он откидывается назад, смотрит на меня широко раскрытыми дикими глазами, в которых тоже столько растерянности, что мне хочется извиниться перед ним. Но я не сделала ничего плохого. Просто не ожидала! Зато сделал он, причём нагло, без спроса!

– Ты мне нравишься, Лиза, – шепчет он, терпеливо ожидая моей реакции. – Уже давно…

О, ужас… Какой кошмар, Боже. Я не понимаю парней!

Я не отвечаю. Не могу. Просто открываю дверцу, выскакиваю из машины и бегу к дому. Каблуки стучат по асфальту, каждый шаг отдаётся в груди тупой болью. Я не оглядываюсь, потому что боюсь увидеть его лицо – боюсь, что если увижу в нём обиду или разочарование, я сломаюсь окончательно.

Влетаю в дом, захлопываю за собой дверь, прислоняюсь к ней спиной, чувствуя, как холод дерева немного остужает жар, который сжигает меня изнутри.

Я закрываю глаза и пытаюсь сделать вдох. Только у меня не получается нормально дышать… Потому что в лёгких до сих пор горит.

Поэтому не дожидаясь, когда кто-то увидит меня в таком состоянии, поднимаюсь к себе и закрываюсь в комнате. Открываю окно настежь, чтобы впустить свежий наполненный озоном воздух. Плюхаюсь на кровать, сжимаю подушку в руках… Врезаюсь в неё носом, пытаясь вспомнить его запах… И снова плачу… Но так, чтобы никто не услышал. Потому что если кто-то услышит, придётся объясняться. А я не знаю, как объяснить то, что сама не понимаю. Хорошо, что дома ещё никого нет…

И плачу я, пока не слышу звук колёс… Машина подъезжает, тормозит, хлопает дверца. Я выглядываю из окна и вижу, что отец вернулся. А Макса всё нет…

Эта мысль не даёт мне покоя теперь… Где он? С кем? С этой Катей? Они уехали вместе? Или он остался там, в ресторане, и теперь смеётся, болтает, делает вид, что ему всё равно? Могу ли я позвонить Вике и спросить, где Катя? Это будет ещё большей слабостью…

И тут меня окутывает новая волна боли. Я понимаю, что боюсь. Боюсь того, что он действительно мог уехать с ней. Откуда я знаю, для чего он вообще вернулся… Нет, то, что в Полине и так понятно. На зачем остался в ресторане? Зачем так себя вёл? Вдруг для него это ничего не значило и суть была не в том, чтобы задеть или проучить, а в том, чтобы просто развлечься с другой симпатичной девушкой…

Он ведь со мной говорил… И хотя я видела, что злится на меня, что ревнует к Дане, я всё равно чувствовала от него

какую-то издёвку… Даже если он вроде как проявил беспокойство перед выходом… Хотел отвезти домой сам. Просто собственник. Да и всё.

Только поэтому я столь грубо его отшила. Я хотела его задеть. Хотела показать, что он ничего для меня не значит. Но теперь, когда его нет, эти слова кажутся мне самой большой ошибкой на свете… Боже мой, что теперь будет? А если он реально начнёт подкатывать к этой Кате?

Спускаюсь вниз уже в пижаме. Отец стоит в прихожей, смотрит на меня, и в его взгляде столько тревоги, столько желания помочь, подсказать, как правильно, что мне хочется снова заплакать. Но я сдерживаюсь. Снова делаю вид, что всё в порядке… А в порядке ли? Очень сомневаюсь… Меня будто дорожным катком переехали…

– Ну как прошло? – спрашивает он осторожно, будто каждое слово может стать спусковым крючком. Для меня это действительно так. Я боюсь, что рванет. Ведь внутри меня то, с чем я пока не способна справиться…

– Нормально, – отвечаю я ровно, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, как будто сегодня был обычный вечер, а не день, который перевернул всё вверх дном.

– Лиза… – он делает паузу. – Ты это из-за Макса? Плакала, что ли?

– Что? – переспрашиваю я, делая вид, что не понимаю, о чём он. Сглатываю. Даже отец всё прекрасно понял… Что уж говорить про самого Макса. Небось он упивался тем, что

я чувствую…

– У тебя глаза красные, – говорит он с явным беспокойством. – Скажи мне.

Я уже собираюсь сказать, что к нему чувствую, что мне больно, что мне невыносимо... Но тут слышу, как проворачивается ключ в замке. Дверца открывается, и я точно знаю, что в прихожую заходит Макс. Даже не видя его…

В ту же секунду я понимаю, что сейчас нельзя показывать слабость. Нельзя дать ему увидеть, как сильно он меня ранит. Нельзя позволить ему думать, что он всё ещё имеет надо мной какую-то власть.

Поэтому я нарочно повышаю тон. Делаю его резким, уверенным, почти грубым.

– Нет, папа, – говорю я твёрдо, глядя прямо перед собой в какую-то точку на стене, чтобы не сорваться. – Мне плевать на Макса. Я выросла. И не хочу больше о нём знать и слышать. Он мой брат, да. Но сводный. На этом точка. А… да. И скоро я с ребятами переезжаю в новую квартиру!

Мне хочется тут же извиниться, сказать, что я не хотела так резко это всё говорить. Но я молчу. Потому что если я сейчас открою рот, из него польются не извинения, а слёзы. А плакать я больше не буду. По крайней мере, не здесь. Не перед ними. Потому что я знаю – он меня слышал.

Разворачиваюсь и ухожу наверх.

Закрываю дверь комнаты, прислоняюсь к ней спиной и стою так, чувствуя, как внутри всё дрожит. Хотела отомстить

Максу. Хотела показать ему, что он мне безразличен. Хотела заставить его почувствовать хоть каплю той боли, которую он причинил мне!

Но легче не стало… Совсем. Наоборот – стало только хуже…

Глава 6.

Максим Волков

Я с трудом до дома доехал, думая о том, как она едет с ним…

И видел я всё прекрасно… Как поцеловались… Сразу же отвернулся, будто колья в грудь воткнули… Стало тошно. И нестерпимо, сука, больно… Это даже не передать ничем.

А теперь эти её слова, брошенные отцу в лицо в порыве гнева. Они уничтожают меня… И хотя я понимаю, что частично заслужил, стерпеть это сложнее, чем казалось на первый взгляд…

И вместо сердца в груди от них остаётся только кровоточащее месиво.

«Мне плевать на Макса. Я выросла. И не хочу больше о нём знать и слышать. Он мой брат, да. Но сводный. На этом точка. А… да. И скоро я с ребятами переезжаю в новую квартиру! Этап в этом доме закончился!».

Каждое слово сказала с такой ненавистью, словно реально меня презирает. И самое жестокое в них, что она не просто ставит точку, а заливает её бетоном, чтобы я даже не пытался её стереть… Разворачивается и уходит наверх.

Дверь её комнаты громко хлопает, как финальный штрих, после которого в доме повисает тишина. Такая, что в ней слышно, как у меня хуярит сердце…

И я не иду за ней. Смысл?

Я только всё испорчу, как всегда. А мне и так уже хватило…

Поэтому я просто молча прохожу на до боли знакомую мне кухню, беру стул, грузно плюхнувшись на него и вжимая голову в плечи... Можно ли сказать всё без слов? Очевидно, можно…

Не думал, что за один день можно так сильно заебаться, но кажется, это ещё не предел…

Андрей бросает на меня встревоженный взгляд, и будто подводя итоги этого разъёбанного вечера, громко прерывисто выдыхает на всю кухню. И я чувствую, что мы пиздец как много не договорили друг другу за эти два года. Он кладёт руку мне на плечо, будто пытаясь сказать «я тебя понимаю». Но слова вылетают из меня первого.

– Что мне делать…

– Расскажи ей…

– Я боюсь, – шепчу болезненно. По ощущениям так вообще будто в отчаянии. – Боюсь, что это ничего не изменит между нами. Что я скажу, а она посмотрит на меня так же, как на чужого ей человека. Будто я вообще никто в её жизни… И всегда был никем.

– Ты не можешь этого знать, – отвечает он, пожимая плечами. И я понимаю, что предложить можно разное… А что в итоге поможет никто точно не знает. Только вот если вдруг что, меня унесёт течением. Я сдохну, блядь. Я просто… Не

вынесу её реакции. Она целовала его. Она его целовала. – Я плохо знал свою дочь, когда ты уехал. Но что я понял за эти два года, пока тебя не было, так это то, насколько ты её любишь… Я всё понимал. И Полина понимала… Чем ты пожертвовал, чтобы с ней всё было хорошо…

Проглатываю ком, который застрял в горле. Хочется спросить, почему любовь такая сложная и выматывающая... Но я не спрашиваю, потому что это бесполезно. Никто на этот вопрос не ответит…

– Всегда есть шанс поговорить, – продолжает он. – Донести до другого человека, что у тебя внутри. Даже если он не хочет слушать. Даже если делает вид, что ему всё равно.

– У неё отношения, – выдавливаю я, и слово «отношения» звучит во рту как что-то чужеродное или даже аномальное. – И я не хочу лезть. Не хочу быть тем, кто всё снова ломает… Я и так еле сдерживаюсь… Казалось, изменился, а нифига…

– Ты про Данила? – уточняет он, чуть наклоняя голову, будто пытается сложить этот пазл.

– Ну да, – киваю, не поднимая глаз. Смотрю куда угодно только не на самого Андрея…

– Не знаю, что там между ними, – недоумевает он. – Но для меня очевидно, что к нему у неё точно несерьёзно… Может, ты что-то надумал…

– Ага, – сдавленно бормочу. – Я так и понял. Поэтому она переезжает жить с ним…

– С ним и Викой, – поправляет он меня мягко, будто это

что-то меняет. Он один хрен будет жить с ними. – Ты не слушаешь. Ты уже всё решил у себя в голове, и теперь любые слова кажутся тебе подтверждением…

– Мне хватило того, что я услышал и увидел, – бормочу, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Хочется что-то разбить. Или просто уйти. Куда угодно, лишь бы не сидеть здесь, не чувствовать эту беспомощность. Не говорить же ему теперь, что они сосались перед домом, а я всё это видел, правда?!

– Макс, Макс… – он вздыхает, помотав головой, и слегка улыбается. – Где-то ты больно умный, а где-то… – стучит по столу. – Будешь чай?

– Нет… Пойду к себе. Хочу один побыть…

Он кивает, соглашаясь со мной. Видимо, понимает, что сейчас мне нужно не говорить, а переваривать. Они и так столкнули нас лбами, можно сказать. Хотя я понимаю, что это тупо нелепое стечение обстоятельств… Вряд ли они хотели всего этого.

Поднимаюсь, выхожу из кухни, иду по коридору, и с каждым шагом, сделанным к ней, внутри ещё неспокойнее. Я останавливаюсь у лестницы, прислушиваюсь к звукам, доносящимся из её комнаты… Но там стоит мёртвая тишина. Ни шагов, ни шороха одежды. Ничего. Только эта пустота, которая отлично сочетается с тем, что властвует внутри меня сейчас… Я безумен. Готов скрести дерево ногтями, лишь бы она услышала моё отчаяние…

Поэтому и стою как дурак возле её двери в секунде от того, чтобы постучать…

Просто смотрю на неё… Роняю лоб беззвучно и… Представляю, что бы было, если бы вошёл…

Но в итоге мои фантазии приводят меня к мыслям о том, что стало бы только больнее… Поэтому и только поэтому я ухожу к себе…

В своей комнате я замираю на пороге, будто переступаю невидимую границу между «до» и «после». Это бьёт меня прямо в солнечное сплетение…

Я сажусь на кровать, потом встаю, не находя себе места. Подхожу к столу, включаю ноут. Экран вспыхивает, и я вдруг понимаю, что знаю, что делать.

Нахожу сайт университета, куда она поступила. Мама ведь говорила мне между делом… Открываю форму заявления о переводе. И тут же заполняю её, нажав «отправить». И только когда вижу, что сообщение ушло, откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза…

И тут же на меня бурным потоком обрушиваются воспоминания… Как мы без устали целовались… Как не могли отлипнуть друг от друга в своё время. Как врали родителям и сами встречались у меня в комнате ночами… Как я грел её вечно ледяные ноги. Как хотел стать её первым однажды… Когда-нибудь, когда она вырастет. Когда будет к этому готова. Я мечтал стать её единственным.

От этих воспоминаний по коже бегут колючие мурахи…

Как сильно я скучал по этим мгновениям. По ней. По тому времени, когда всё было проще, когда не нужно было подбирать слова, когда достаточно было просто быть рядом… Говорить всё порывом. Высказывать. Кричать…

Как она кричала мне тогда… Казалось, до боли в горле.

«Нет, Максим, не понимаю… Не надо так со мной поступать… Мне нужен ты. Я тебя люблю! Слышишь? Я тебя люблю, и мне всё равно, кто что говорит! Пусть они все хоть кричат! Пусть делают что хотят! Только не оставляй меня… Я не пойму! Никогда! Ты – самое лучшее, что у меня было после мамы! Ты единственный, кто заставил меня снова чувствовать себя живой! А теперь ты хочешь просто взять и уйти? Просто потому что кто-то сказал, что я для тебя маленькая?!»…

И я так боялся, что она узнает правду. Я боялся, что примет кучу неверных решений и её заберут отсюда… Боялся, что сбежит из дома, боялся, что не станет ходить в школу, боялся, что сбежит в Питер за мной…

Но сейчас я открываю глаза и смотрю на дверь. На полоску света под ней. Вспоминаю, сколько раз я сидел вот так, ждал, что она зайдёт сюда…

Но на этот раз полоска света не становится шире. Она остаётся такой же узкой и неподвижной. Потому что она не придёт. И я сразу это знаю.

И тем не менее иду к стене, встаю возле неё и стучу, как когда-то… Три коротких раза в ожидании, что она вдруг от-

ветит мне… Но она, конечно же, так и не стучит в ответ…

Глава 7.

Лиза Широкова

После того, как спряталась в комнате, смотрю в одну точку…

Как я вообще это допустила? Теперь у меня перед глазами этот момент из машины на репите. Снова и снова. Я даже в самом жутком кошмаре не могла этого представить… Почему он вообще так сделал?! Всегда что-то испытывал? Да как же я не сообразила…

Какая же я дура… От стресса даже не успела нормально оттолкнуть… И поцелуй всё-таки случился. Да, без языка. Но он всё равно был. И от этого мне тошно…

Я никого кроме Макса не целовала. Ни одного единого раза. Я даже думать об этом не могла. Не потому что Даня плохой. Он хороший. Слишком хороший, слишком внимательный, добрый. Но он мой друг! Я и подумать не могла, что он хоть когда-то рискнёт так сделать!

Именно поэтому всё это кажется таким неправильным. Как будто я предаю не его, а саму себя. Но и перестать общаться с другом просто так я не могу…

Не знаю, что теперь делать. Не знаю, как смотреть ему в глаза завтра. Не знаю, как объяснить, что дело не в нём, а во мне. Это такая банальная фраза, блин. Я сама всегда над ней смеялась… А тут… Я же не могу сказать ему, что внутри

меня столько всего к Максу… Что даже когда он не рядом я чувствую его присутствие каждой клеточкой своего тела. Будто электрический ток по коже… Даня не то, что не поймёт этого. Теперь я понимаю, что это его ранит.

Тянусь к телефону. Открываю чат с Викой. И пишу ей сообщение, потому что если я не скажу это хоть кому-то, слова задушат меня изнутри. И до сих пор в шоке от того, что случилось.

«Даня меня поцеловал».

Отправляю это, и тут же хочется удалить, сделав вид, что этого не было. Что я придумала. Что это просто дурной сон. Но сообщение уже улетело.

Через секунду экран загорается. Вика не ждёт. Она всегда отвечает сразу, будто сидит и смотрит в телефон, зная, что мне может понадобиться её поддержка в любую секунду.

«Чтоооо??? Что он сделал???».

Не представляю, что она теперь подумает.

«Да… Я не знаю, что это было».

«О, Боже. И что теперь? Макс видел???».

Господи. Я даже не думала об этом... Не хотела думать. Но теперь эта мысль не покидает моё воспаленное сознание... Нет, наверное. Откуда? Он же после пришёл.

«Блин, да я не знаю! А при чём тут это?!», – печатаю я в ответ.

«Ну он же не просто так приехал и танцевал с Катей, Лиза. Он хотел, чтоб ты ревновала. Это было видно. Он для тебя

туда пришёл!».

Перечитываю эти слова снова и снова. И чувствую, как внутри всё переворачивается. Вика всегда видит мои болевые точки и то, что задевает больше всего. Но тут суть в другом. Я просто не хочу, чтобы кто-то копался в нашем с ним прошлом. А она обычно говорит всё, как есть. На духу.

«Я его не звала, Вик», – пишу я, будто пытаясь оправдать себя и выставить его виноватым мудаком. Да, так и есть. – «Я закрылась в комнате. Не могу даже видеть, если честно».

«Понимаю…», – отвечает она сразу, без лишних слов. И мне становится немного легче… Не потому что проблема исчезла, а потому что я не одна. Даже если физически мы в разных местах сейчас…

Экран вдруг гаснет, а я всё так же смотрю на него в ожидании чуда.

Но она молчит и от нетерпения приходится писать самой.

«С квартирой в силе?».

Я жду ответа от Вики в надежде, что она меня поддержит. У меня больше нет никаких вариантов. Если оставаться рядом с ним, то это мучение для меня.

«В силе. Правда, я не знаю, как платить первое время. Рука с трудом разрабатывается. Боюсь, что не смогу нормально работать, а подработка нужна…»

«Я за тебя заплачу! Только не оставляй меня здесь!».

Пишу и чувствую, как к горлу подступает ком. Такой большой, что его невозможно проглотить… Надеюсь, она

поймет меня правильно. Я не вывезу и дня в его присутствии…

«Ну, малыш… Завтра же пойдём искать варианты. Займу у родаков, если что».

«Спасибо, Ви. Мне стало легче».

«Обнимаю тебя».

«И я тебя…»

Чат гаснет. На этот раз окончательно. И я остаюсь одна. С телефоном в руке, с тяжестью в груди и с этой бесконечной тишиной, которая давит так сильно, что трудно дышать… Даже с открытым окном трудно…

Я ложусь на кровать, натягивая одеяло до самого подбородка, словно хочу спрятаться от всего мира... Смотрю в потолок, стараясь не думать ни о чём… Сделать бы вид, что меня нет… Хочется исчезнуть и растовриться.

Но я слышу, как кто-то поднимается по лестнице. И даже знаю, кто это… Макс. Узнаю по походке… Он проходит мимо моей двери, у меня внутри всё будто падает.

Я бы всё отдала, чтобы было как раньше, но так не будет. Уже никогда не будет.

Поэтому я молчу. Лежу, зажмурившись, и делаю вид, что меня вообще здесь нет.

Я же выросла… Я жила без него два года. Так почему ж от осознания, что он настолько близко, вновь трудно дышать?

Он идёт дальше к себе в комнату. И я представляю, как он останавливается у двери, как врывается, как раньше… Идёт

прямиком ко мне.

Раны будто свежие. Как будто не было этих двух лет. Как будто всё, что мы пытались забыть, просто ждало своего часа, чтобы снова открыться. И сейчас они горят, пульсируют, напоминают о себе каждым вдохом…

Примерно через час понимаю, что уснуть у меня всё же не получится. Да и как это сделать, когда мысли о нас крутятся в голове, не переставая. Я вновь достаю телефон в надежде успокоить себя. Открываю его профиль в соцсети, просто чтобы проверить, не изменилось ли там что-то.

Как же давно сюда не заходила... Даже руки дрожат от страха и предвкушения, но там всё так же ничего нет. Только одна единственная фотография, где он рядом со своим байком. От густых волос на фотографии остался лишь короткий брутальный ёжик, который делает его ещё старше…

Но на ней он именно такой, каким я его помню.

Интересно, есть ли новые татуировки? Делал ли ещё что-то за это время? И хотела бы я это знать? Думаю, что нет… Я смотрю на эту фотку и мысленно возвращаюсь туда. Еду за его спиной… Обнимаю. Дышу им одним… Но фото на экране – всё, что у меня есть…

И больше ничего. Никаких постов. Никаких историй.

Чувствую, как сердце сжимается в чугунные тиски. Мне так хочется отмотать время назад. Вернуться в те дни, когда всё было проще. Когда мы могли просто быть… Любить друг друга до умопомрачения. Во всяком случае, я так любила…

Любил ли он? Большой вопрос… Если бы любил – не бросил бы меня здесь. Я думаю, что он бы никогда меня не оставил без ведомой на то причины…

Прячу телефон под подушку, потому что больше не могу… Не знаю, сколько ещё так лежу… В комнате темно и тихо…

И вдруг… На фоне этой тишины в стену раздаются три коротких удара.

У меня чуть инфаркт не случается, если честно.

Зачем он это делает? За что?! И почему именно сейчас? Я воспринимаю его поступок, как лезвие по сердцу. Он будто нарочно выбирает мои самые уязвимые места… То про газ вспомнил, то этот стук…

У меня уже нет сил доставать из себя то, что было так важно… Он будто собирает всё по маленьким кусочкам. Ему нравится причинять мне боль, да?

Так вот у него больше не получится! Я выросла! И завтра я пойду выбирать квартиру с Викой, чтобы учиться жить отдельно. Он больше не сможет на меня влиять. Даже если я до сих пор ощущаю каждый осколок, который он когда-то столь безжалостно вонзил в моё сердце…

Глава 8.

Максим Волков

Просыпаюсь от того, что в комнате слишком светло… Солнце бьёт прямо в один приоткрытый глаз, будто ему нет никакого дела до того, что внутри у меня всё ещё кромешная темнота. Тянусь рукой к тумбочке, хватаю телефон... Экран слепит, но я всё равно вглядываюсь в него, пытаясь рассмотреть время. Восемь утра. Я не помню, как и когда вчера уснул. Будильник ставить не стал. Но снилась мне, разумеется, она… И в этот крайний раз, когда я проснулся, снился ёбанный пиздец. Признаюсь честно… Когда подобные сны начинают меня добивать, это хуже всего. Потому что в них она снова говорит, что любит меня. В них она лежит подо мной с искусанными губами. Всё такая же красивая… Только сегодня взрослая… Обнимающая меня, раздевающая… И…

С-с-сука…

Резко встаю, натягиваю футболку и выхожу в коридор, пока это не превратилось в очередное мучительное продолжение. В доме тихо до безобразия… Конечно, мама-то в больнице. На кухне Андрей сидит один, пьёт кофе, смотрит в окно, будто ему нестерпимо тоскливо от этого. Я осматриваюсь по сторонам в надежде найти ещё одну знакомую фигуру. Дверь в комнату Лизы была закрыта с утра, но звуков я там

не слышал. Думал, ещё спит… Однако…

– Её уже нет, – говорит он спокойно, просто констатируя мне. – Нарочно убежала с самого утра…

Я усмехаюсь, приняв это как единственный возможный факт. По правде говоря, я и не ожидал другого. Если бы она осталась, пришла бы завтракать и после вчерашнего посмотрела мне в глаза, думаю, наш срач вышел бы на новый уровень. А так, она выбрала не разгоняться и просто сбежать от меня. Охуенно, сестрёнка, ничего не сказать… Это уровень.

Я сажусь напротив Андрея, налив себе кофе. Обычно я его даже не пью, но сейчас мне это реально нужно, чтобы почувствовать хоть что-то, даже если это будет терпкий вкус этой коричневой отвратительной жижи.

Мы завтракаем в тишине. Мне неловко. Ему, походу, тоже. Но что остаётся, если у обоих внутри болит? Я уже примерно понял его настрой… Он сам сказал, что плохо её знал... Взрослыми на тот момент были они и даже тогда они меня поняли... Они меня отпустили. Только я до сих пор не могу решить для себя, значит ли это, что я тогда поступил правильно.

Молчание длится слишком долго…

– Какие планы? – наконец спрашивает он.

– Найти работу, – отвечаю я, не задумываясь. Как будто уже давно это решил, но на деле решение пришло ночью, когда я сидел в темноте и прислушивался к звукам соседней комнаты. Мне казалось, мы разговариваем по душам. Про-

сто ни один из нас не понимает, как это работает. – И отремонтировать старого друга…

Он чуть приподнимает бровь в изумлении.

– Что? Вы его продали? – усмехаюсь я над ним.

– Нет, но… – он пытается подобрать слова. Я вижу, что у него шок от моего заявления. – Работу?

– Ах да… Я не сказал? – делаю глоток и смотрю прямо на него. – Я останусь здесь. Подал документы о переводе…

Отчим замирает. Наверное, это не очень правильно с моей стороны, вот так с бухты барахты принимать такие решения, но я думаю, в глубине души они догадывались, что так будет. И в его взгляде, конечно, мелькает удивление, но хотя бы не осуждение. Я бы стрельнулся. Однако он не говорит ни слова. Не спрашивает меня, не допытывает. Потому что, думаю, всё и без того понимает.

– Сегодня навестишь маму?

– Навещу… Вечером обязательно… Съезжу по делам и часам к семи буду у неё…

– Хорошо… И Макс…

– М?

– Попробуйте помягче друг с другом… Я про…

– Я понял.

Выхожу из дома, иду к гаражу. Здесь всё осталось таким, каким я его оставил два года назад, каким было с отцом когда-то. Я всё ещё помню... Будто время здесь остановилось, чтобы дождаться моего возвращения.

Сбрасываю тряпку с мотоцикла. Он, конечно, весь в пыли, как я и предполагал. Здесь некому было за ним смотреть. Я провожу ладонью по корпусу и погружаюсь в воспоминания, которые так или иначе дербанят мне душу...

Я бы прикололся сейчас по типу «прости, мой старый друг, я должен разбудить тебя»… Но мне не до приколов, по правде говоря. И так внутри всё щемит с непередаваемой силой.

Я просто хочу привести его в порядок, чтобы был на ходу. Поэтому я заливаю масло, меняю свечи, проверяю движок. Кое-чему научился за время работы там. Стал намного лучше разбираться во всём. Часа два уходит на то, чтобы вернуть к жизни этого бандита, чтобы снова почувствовать, как железо отзывается на твои руки, как оно становится частью тебя…

Когда мотоцикл наконец заводится, звук мотора ещё сильнее взрывает мою настоящую реальность. И на секунду мне кажется, что всё возможно. Что можно починить не только железо, но и то, что сломалось внутри… Между нами…

Я принимаю душ и еду к Лёхе и Митяю... Мы всё это время общались в сети, но это не то… Хотя я знал, что они смотрят за ней, как просил. Помогают, где-то оберегают… И писал им «спасибо» чуть ли не каждый сраный день…

Они встречают меня со стандартными подъебками.

– Нихуя себе, время вспять…

– Ахаха, ты как его вылечил вообще…

– Да его и лечить особо не пришлось, он на ходу…

Слезаю с коня, а они обнимают меня, хлопают по спине… И мы начинаем болтать обо всём, что накопилось… Я рассказываю о матери. Они передают привет и желают выздоровления… И вроде бы разговор проходит на весьма позитивной ноте…

Но рано или поздно сворачивает туда, куда я не хотел. К ней.

– Она теперь бегает от меня, – смотрю свои потрескавшиеся от работы руки. – Делает вид, что меня нет…

Лёха вздыхает. Раньше они такими не были… Но эта ситуация нас всех чему-то научила.

– Она просто не понимает, как дохуя ты для неё сделал, вот и всё, – говорит он уверенно. – Знала бы – поняла бы сто процентов.

– Я тоже так считаю…

– Но и бросать ей это в лицо как подачку или аргумент я не стану, – отрезаю я, резко. – Мне стрёмно. Я не еблан. Понимаю, что обоим было дерьмово. Что никто из нас не вышел из этого чистым… И то, что она с тем уё… пацаном… Это только моя вина… Но я дико хочу всё вернусь. Поэтому остаюсь.

Митяй молчит секунду, потом кивает, будто принимает мои слова.

– У отца в автосервисе место есть, – предлагает он сразу же. – Поэтому если ты готов… Тем более у тебя и опыт есть,

и трудовая…

– Блин, братан… Было бы охрененно на самом деле…

– Не вопрос. Он всегда тебя рад видеть, ты знаешь…

– Супер. Я приду, как скажешь ему.

– Я отпишусь, Макс.

– Ок. Спасибо вам, пацаны…

– Круто, что ты всё же решил вернуться… Предлагаю затусить, пока учёба не началась… А то потом вообще хер вылезешь…

– Как только, так сразу, – лыблюсь я, натягивая шлем. Залезаю обратно на мот, завожу его и снова рвусь куда-то навстречу ветру… Вчера она обронила в страстях, что переедет в новую хату. Сегодня сорвалась ни свет, ни заря… И я понимаю, что вроде как должен отпустить её, но не могу этого сделать… Поэтому собравшись с мыслями я еду к матери, чтобы нормально поговорить обо всём. Наедине…

Глава 9.

Лиза Широкова

Я просыпаюсь ещё до рассвета... Специально завожу будильник на полчаса раньше, чтобы успеть выскользнуть из дома, пока все спят. Пока он спит. Пока не выйдет в коридор вместе со мной, пока наши глаза вновь не столкнутся друг с другом...

Я собираюсь почти на ощупь, пулей хватая вещи из шкафа… Натягиваю джинсы, олимпийку, заплетаю волосы в косу, хватаю рюкзак и выхожу из комнаты почти что на цыпочках, бесшумно закрыв за собою дверь.

Выбегаю на улицу… Там ни души…

Я сразу еду к Вике в надежде, что она примет меня и выслушает. Единственный человек, которому я могу доверить свою боль. Она открывает дверь, зевая, но тут же улыбается, когда видит меня.

– Ты чего в такую рань, дурында? – шепчет она, чтобы не разбудить родителей, и тянет меня на кухню.

Мы проходим, я грузно плюхаюсь на стул и начинаю рассказывать то, что скопилось в душе, словно тяжёлый груз, пока Вика без вопросов слушает и наливает мне кофе.

А мне кажется, меня сейчас просто порвёт от эмоций.

– Вот зачем он так сделал, а?! Зачем?! Я же думала, мы все жить вместе будем! А теперь не знаю как! Вот что это

такое, а, Вика?!

– Спермотоксикоз, – говорит она, хихикая, и я сначала замираю, а потом вдруг смеюсь. Смеюсь так, что слёзы выступают из глаз. Я ничегошеньки не знаю о сексе, конечно. Но… Слышала, что у мальчиков в нашем возрасте конкретно срывает башню. Вообще не представляю, как Макс раньше терпел всё это рядом со мной… Наверное, нам суждено было расстаться… Наверное, в этом и была истинная причина. И девушек у него потом было очень много, вероятно… Я не хочу думать об этом. Больно.

– Правда, это было ужасно, – говорю я, вытирая глаза, и улыбка ещё дрожит на губах.

– Понимаю, – кивает она серьёзно. – Я что-то такое от него чувствовала и раньше на самом деле.

– Да?!

– Да… Извини, что не сказала… Думала, ты сочтёшь меня за выдумщицу…

Пока мы болтаем, приходит сообщение от Дани. Я вижу, как загорается экран, как Вика косится на него, но не спрашивает. Я сама читаю вслух.

– Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Если ты не хочешь, чтобы я писал – скажи. Я пойму…

Внутри что-то сжимается, и эта неловкость ложится на плечи тяжёлым грузом, который я не просила.

– Мдаааа… Знаешь, он неплохой парень, – говорит Вика осторожно, не пытаясь меня переубедить, просто констати-

руя факт. – Просто иногда делает глупости, потому что не знает, как сказать то, что чувствует…

– Я знаю, – шепчу я. – Просто… это же не то. Совсем не то. Лучше бы он ничего не чувствовал, блин… А тем более, целовать без спроса…

Она кивает. Не спорит и не оправдывает его действия. И ведь я помню, как мы познакомились. На олимпиаде в январе месяце одиннадцатого класса. Он был из другой школы, но мы попали в одну команду тогда. Там и намёка не было на то, чтобы мы симпатизировали друг другу. Нет. Просто кажется, он всё не так понял… Когда он предлагал подвезти нас, я и не думала, что за этим что-то такое скрывается. Когда Вика была со сломанной рукой, мы ездили только вдвоём… И я думала, что мы друзья… А теперь мне реально неловко, словно только я из нас троих не замечала очевидного…

Потом мы пьём чай, болтаем о разном, о том, что надо искать квартиру, о том, сколько комнат нам нужно, где лучше район, сколько это будет стоить. И постепенно становится легче. Дышать, думать, рассуждать. О прошлом, будущем, пережитом и грядущем. Я не хочу снова и снова думать о том, что могло быть, а чему никогда больше не случиться…

Я выхожу из её дома ближе к одиннадцати… Солнце вовсю светит. Слепит глаза. Нужно было взять очки, но я не сообразила, пока убегала…

– Ээээх, с тобой хочу…

– Так и пошли со мной, – зову её с улыбкой, а она поднимает свою руку.

– Чтобы переронять там все подносы, да? Хах… Нееет… Нужно, чтобы всё до конца зажило…

– Согласна… Ты права…

Мы прощаемся, и я иду в своё кафе... Смена начинается в одиннадцать, и я рада этому. Рада, что у меня есть работа, есть ещё дела, есть что-то такое, что заставляет меня жить дальше, действовать, а не сидеть и бесконечно думать о нём. Как было первый год после нашего расставания.

В кафе шумно, как всегда, и я приступаю к своим обязанностям, не давая себе времени на лишние никому ненужные мысли и эмоции. В конце концов, от этого из работа идёт наперекосяк, а мне оно всё нафиг не нужно. Работа – это то, что держит меня на плаву. Свои деньги, возможность снимать квартиру и жить самостоятельно. Сейчас я принимаю заказы улыбаюсь посетителям, чтобы никто не заметил, что со мной что-то не так. Спустя семь часов практически беспрерывного труда я уже вымотана и мысли мои полностью пусты… В них нет места переживаниям за поцелуи и прочее, лишь бы ноги доволочь до дома…

Но потом вдруг я вижу это…

На столике, за которым мы когда-то сидели с Максом, лежит шоколадное яйцо в фиолетовой обёртке. Яйцо с чебурашкой…

Моё сердце вдруг вспыхивает сверхновой и искры разле-

таются. Повсюду. По всему залу…

Я оглядываюсь по сторонам. Тут полно людей, но никто не смотрит конкретно на меня, будто оно оказалось здесь чисто случайно… Только у меня чёткое ощущение, что это не случайность. Иначе и быть не могло…

Подхожу ближе. Беру яйцо в руки, и в нём столько воспоминаний, что мне трудно дышать… Казалось бы просто яйцо, да? Ну кто-то такие каждый день лопает. Только не я. С тех пор так ни разу и не покупала…

«Да… Там был Чебурашка… Такой милый… Я уже прицепила его к ключам».

Вижу, что обёртка уже открывалась ранее, и ком подкрадывается к горлу, я разворачиваю его снова. Разламываю шоколад. Открываю жёлто-оранжевую упаковку. И вижу там золотой кулон в форме сердечка на тонкой цепочке. Простой, без вычурности, но такой, что от одного взгляда на него хочется плакать…

В любой другой ситуации я бы отдала его администратору. Мол какой-то ребёнок забыл, заберите… Но сейчас я не могу. Потому что будто заранее чувствую, что это он его тут оставил. И удавка на моей шее затягивается всё сильнее…

Я прячу кулон в карман джинсов… И мне одновременно плохо и странно. Плохо, потому что я всё ещё помню... Но не хочу помнить ничего, связанного с ним… Странно, потому что как ни крути это было… И это не стереть. Не вынуть из сердца даже если очень хочется.

Но я продолжаю работать. Стараюсь не думать об этом. Стараюсь просто выполнять свои обязанности…

Когда моя смена заканчивается, в восемь, я иду в подсобку, переодеваюсь и смотрю на себя в зеркало, и мне хочется плакать, потому что это не я вовсе. А какая-то усталая, замызганная, но самое главное несчастная версия меня. Тёмные груди под глазами стали всё сильнее, волосы выбились из косы и потускнели… Я достаю кулон, повертев его в руках, надеваю на шею. Это самое маленькое сердечко ложится чуть ниже ключиц, заставляя меня шумно выдохнуть на всю подсобку. Ведь на секунду мне кажется, что всё возможно. Что можно просто забыть обиды, стереть из памяти наше с ним горькое расставание и просто сказать всё то, что я когда-то в себе задавила… Что я люблю его, что скучаю, что не могу без него жить и что он, чёрт возьми, каждую ночь снится мне. Каждую! С тех пор, как уехал… Но нет.

Я смотрю на своё отражение. И громко вздыхаю...

Нельзя. Ничего не вернуть! Это ложь! Фикция! Обман! Нельзя просто надеть кулон и сделать вид, что все раны зажили, что все слова забыты, что всё стало как раньше! Потому что не стало. И если я оставлю его подарок, если буду носить, как ни в чём не бывало и если позволю себе поверить, что это что-то действительно значит, а потом вдруг он снова воткнёт мне нож в спину, я не выдержу… Я больше никогда не стану собой…

Поэтому я убираю кулон в карман своей олимпийки.

Выхожу из кафе уже без мыслей о Максиме. Тем более моя Вика ждёт меня на улице, улыбается, машет здоровой рукой, а вторую прячет в кармане своей кенгурушки. Мы идём по городу, смотрим объявления в телефоне, оцениваем комнаты, окна, вид с балкона и т.д. Говорим о деньгах, о сроках, представляем, как будем жить вместе. Ну вот прям как взрослые… И я стараюсь быть здесь, в этом моменте, а не там, в воспоминаниях, где всё ещё больно… И в итоге мы выбираем одну самую классную, недорогую квартиру, рядом с будущим универом, трёхкомнатную. Как раз то, что надо, если Даня ещё не передумал, конечно… Она и на фото крутая, и в жизни всё соответствует…

Но когда мы садимся в автобус, чтобы ехать домой, я снова чувствую в кармане этот маленький кулон, как связь с той старой ещё незабытой до конца жизнью…

Я не знаю, что с ним делать. Не знаю, как поступить. Не знаю, смогу ли когда-нибудь просто выбросить его или, наоборот, буду хранить как напоминание о том, что когда-то было между нами. Та первая любовь, что разбила мне сердце на осколки…

– Значит, завтра? – вырывает меня Вика из мыслей, и я киваю, положив свою голову ей на плечо, пока едем в автобусе.

– Да. Завтра…

– А можно я сегодня переночую у тебя? Не хочу его видеть…

– Конечно можно, Лиза… Спрашиваешь…

Глава 10.

Максим Волков

Ненавижу эту тупую больницу. Не в смысле эту конкретно, а вообще… Иду по коридору, стараясь не смотреть по сторонам… Все мысли только об одном. Мне нужно всё обсудить, чтобы понять, как поступать дальше. И не осудят ли меня за всё это родные люди.

Мама сидит у окна, смотрит на улицу, когда я захожу… Она оборачивается, и на её лице появляется улыбка. Вижу, что удивлена моему такому скорому приезду. А я тут с фруктами и шоколадками, как она любит…

– Ты пришёл… Дорогой…

– Ну куда я денусь… Я тут тебе «выздоровлин» притаранил…

– О… Ахах… Спасибо, – перенимает пакет и тут же заглядывает внутрь. – Макс, зачем так много?! Чтобы я стала толстой?!

Я ржу, сажусь на стул, беру её руку. И вдруг понимаю, что больше не могу держать это в себе. Слова рвутся наружу… Как бы я ни старался ранее…

– Я до сих пор её люблю…, – говорю я, и голос звучит хрипло, хоть я и пытаюсь говорить нормально. – Так сильно, что иногда дышать не могу. Как будто воздуха не хватает, и я хватаюсь за что попало, лишь бы не задохнуться…

Она слушает, как и всегда. Мама есть мама… Сколько говна она за всю мою жизнь схавала… Сколько меня защищала. Я, наверное, от части поэтому не разглагольствовал на тему страдашек по Лизе, пока был в Питере… Но жить в этой лжи и недоговоренностях я более не способен. Всё внутри и без того рвётся пополам. И Макс, который когда-то сделал правильный выбор, теперь сомневается в том, что может столько вытерпеть…

– Прости, что я тебе это вываливаю, – болезненно шепчу я, опуская голову к её койке. – Ты и так столько пережила… А я тут со своими драмами. Это тупо…

– Макс, – она чуть сжимает мою руку. – Я твоя мама. И если ты думаешь, что мои беды делают твои чувства менее важными, ты ошибаешься. Любовь – это тоже боль. Иногда такая, что не знаешь, куда от неё спрятаться… Я легко понимаю твои переживания. И мне очень больно за вас, дети…

Я сглатываю, но правда не знаю, что сказать.

– Она по тебе скучала, – уверенно заявляет мама, заставив меня поднять взгляд. – Не говорила, конечно, прямо. Мы вообще не разговаривали о тебе. Да и это не похоже на нашу Лизу. Она вообще не привыкла жаловаться… – вздыхает. – Просто делала вид, что ей всё равно. Якобы прошлое её не трогает. Но я-то всё видела. Чувствовала…

Мама хмурится и растирает мою руку…

– Когда рядом живёт человек, у которого дыра в сердце, ты это знаешь… Она замирала, когда кто-то случайно про-

износил твоё имя. Прислушивалась к звонкам… Отводила взгляд порой, будто боялась, что по глазам всё поймут. Она скучала по тебе. И сейчас ей больно, сынок, но не от того, что ты вернулся. А от того, что всё это время она училась жить без тебя и вдруг оказалось, что не научилась… Понимаешь?

– Мне кажется, я всё испортил теперь. Окончательно, – хриплю я, пытаясь сдвинуть ком в горле. – Какого-то фига разозлился, позвал ту девчонку танцевать… Я даже… Я не хотел реально. Просто как увидел, что она там с ним… Так перед глазами у меня… Зарево, мам…

– Уверена, она тоже сделал назло, – шепчет она. – Вы оба были неидеальны. Идеальных людей, как и поступков не существует. Ты не можешь требовать от неё, чтобы она забыла всё одним днём. Но что ты можешь, так это попробовать. Рискнуть и рассказать ей вообще всё, что тогда случилось.

– Мне кажется, она не захочет слушать… Для неё будто всё и так ясно. Она уже решила… Да и выглядит всё так, словно я выбрал за неё тогда и не дал нам шанса… Нашла этого парня. Связалась с ним…

– Макс, – перебивает мама, помотав головой. – Сначала попробуй – потом делай выводы. Тогда ты будешь знать, что сделал всё, что мог. Это уже больше, чем просто сидеть и ждать, пока ситуация разрешится сама собой. Так не бывает. Мы – люди… А ты – мужчина. Мужчины действуют, рискуют. Так бы поступил твой отец…

От этих слов я даже перестаю дышать… Где-то там я знаю,

что она права. В глубине души я знал это сразу же… Но факт в том, что принять это тяжелее, чем кажется на первый взгляд.

Лиза значила для меня не просто много. А нереально много. Мне казалось, от меня оторвали кусок. Именно поэтому я даже не думал о том, чтобы искать кого-то, потому что я знал, что моя половина уже существует. Я знал, где она. Я знал, что когда-нибудь к ней вернусь…

И я хочу вывернуть перед ней душу… Я хочу отдать ей всё, но у меня ощущение, что я уже за пределами её грудной клетки… Где-то вне… И она ни за что не запустит меня обратно…

После я выхожу из больницы и знаю, что нужно действовать, как сказала мама. Да, это не точно сработает, но я хотя бы попытаюсь вернуть наши с ней воспоминания. Думаю только так мы сможем пробиться друг к другу…

Поэтому первым делом я еду в обычный продуктовый магазин и среди прилавков ищу то самое шоколадное яйцо с Чебурашкой. Точно такое же, как в школе, из которого она достала игрушку-брелок и прицепила его к ключам.

Потом еду в ювелирку. Выбираю кулон – простое золотое сердце на тонкой цепочке. Просто символ того, что моё до сих пор принадлежит ей одной… Я оставляю его в кафе, глядя на то, как она зашивается и бегает мимо столов. Знаю, что увидит. Знаю, что возьмет…

Смотрю, встав возле панорамного окна с той стороны со-

всем сбоку. На улице ещё светло, но она меня вряд ли увидит… И вот она берёт его, осматривается… И тогда я уже понимаю, что она всё почувствовала… Мне можно не задерживаться здесь. Пусть сделает для себя какие-то выводы. Я надеюсь, что это всё же случится…

Я возвращаюсь домой поздно. Слишком поздно. В районе одиннадцати часов… Всё это время гонял по городу и гулял в том самом месте в лесу, чтобы освежить воспоминания. В доме достаточно тихо… Знаю, что Андрей и сам часто задерживается в связи с поздними поставками у него на работе. Я захожу, снимаю джинсовку, вешаю её на крючок и тихо поднимаюсь наверх в сторону наших с ней комнат…

И как раз в этот момент Лиза выходит оттуда…

В руках у неё дорожная сумка.

Мы замираем друг напротив друга. Секунды растягиваются. Сердце гудит.

Я даже спрашивать не буду куда она там собралась. И так прекрасно знаю. И всё внутри меня буквально ломается на куски. Она опускает свой взгляд и пытается проскочить мимо, но рука моя автоматом хватает её за запястье и сжимает со всей силы.

– Ты никуда не поедешь, – цежу я сквозь зубы, сам не веря, что произношу это вслух ещё и с такой злостью. Стою, стиснув челюсть, сжав её руку. И буквально ненавижу себя за эту ярость, что просыпается внутри при виде того, как она норовит от меня сбежать.

– Ещё как поеду! – рычит в ответ, отдёргивая свою руку. Отшатывается и швыряет в меня кулон. Прямо в грудную клетку. А потом и пролетает мимо меня как ураган, кинувшись к лестнице… Ну а я, разумеется, за ней…

Глава 11.

Лиза Широкова

Я сразу чувствовала, что будет буря… Это было понятно. Максим постарался на славу. С этим шоколадным яйцом, с ревность к Кате, со своим внезапным возвращением…

Но я не думала, что эта буря окажется настолько сильной, что она сметёт всё, что я так старательно выстраивала вокруг себя, кирпичик за кирпичиком! Я пыталась забыть, пыталась выкинуть его из головы, но он же всегда был штормом. Диким, необузданным штормом! Он до сих пор знает, как влиять на меня… Рядом с ним та Лиза, что была маленькой послушной девочкой, боящейся всего и вся, снова вырывается из глубин моего «я».

Поэтому и только поэтому я бегу от него, будто от языков надвигающегося пламени… И тут он настигает меня. Его тень накрывает меня раньше, чем я успеваю понять, что происходит… Он хватает меня за локоть, и я будто знаю, что не отпустит просто так. Не после того, что я сделала, швырнув в него кулоном. От его касания меня простреливает. И я будто получаю ожоги, несовместимые с жизнью…

– Пусти! – кричу я, дёргая руку, но он не разжимает пальцы. Наоборот – чуть крепче сжимает, будто боится, что если ослабит хватку хоть на секунду, я тут же сбегу. И правильно делает. Просто он слишком хорошо меня знает. И знает, что

я не хочу ни на миг здесь оставаться. Я не хочу ругаться и снова пережёвывать то, что было тогда. Кончено. Потрачено. Забыли.

Но я всё равно совершаю ту роковую ошибку – смотрю ему в глаза, и в этот момент внутри меня всё взрывается. Вспышки. Фейерверки прямо в грудной клетке. Боль пронзает с новой силой. И я опять дёргаюсь, как от удара током. Хочу, чтобы он отпустил. И от нетерпения начинаю бить его. По груди, по плечам. Колочу, как ненормальная. Снова и снова. Хотя раньше никогда не вела себя так. Просто мечтаю, чтобы он наконец отстал от меня! Чтобы он понял, что и секунда рядом с ним для меня мучительная пытка! Но он даже не сдвинется. Просто стоит, как вкопанный, принимая каждый мой удар, как будто понимает, что заслуживает этого. А потом его широкоплечая фигура вдруг шагает ещё ближе, вплотную прижимает меня спиной к стене. Я чувствую его так близко, что у меня сжимается сердце, чувствую, как дрожу от того, что он рядом. Настолько близко, будто под кожей. Я задыхаюсь рядом с ним… Он стал ещё больше. Ещё крупнее. Выше…

Наши с ним лбы встречаются. Не в нежности, не в ласке, а в грубом столкновении характеров, я бы даже сказала в сопротивлении. Он бодает меня, давит, пытаясь обозначить, что он тут главный. Мы замираем так на секунду, словно два хищника, готовые растерзать друг друга. Я чувствую его дыхание на своём лице… Горячее. Прерывистое. Быть может,

даже пропитанное злобой. По коже проносится дрожь, потому что я не привыкла видеть Макса таким со мной. Но мы оба молчим… И в его серо-голубых глазах я вижу то, что так тщательно пыталась забыть и вытравить из себя. В каждой крапинке… Мой Бог… Он будто приоткрывает дверь внутри, и там не только боль, но и бесконечная, отчаянная, всепоглощающая любовь, которая не спрашивает разрешения... Она уже крушит, ломает, жалит. Она проникает внутрь каждой клетки, поражает её, разрушает, но что самое важное, возрождает их всех до единой заново. Потому что я вдруг ощущаю весь спектр тех забытых эмоций… Тех, что прятала под слоями своего игнора. Тех, от которых теперь не спрятаться и не скрыться, потому что они намного сильнее всего остального…

И в то же время у меня появляется чувство, будто я наконец-то начинаю дышать после длительного пребывания под водой… Словно мне реально не хватало кислорода…

И он не выдерживает первым… Его губы находят мои за секунду. Он просто запечатывает их, клеймит… И этот поцелуй взрывает все мои вкусовые рецепторы. Я чувствую не только его – я чувствую весь мир... Боль, страх, нежность, грубость, мягкость, жестокость, сомнения – абсолютно всё смешивается воедино… Этот поцелуй разжижает кровь, гонит её по венам с такой скоростью и силой, что в ушах шумит, как во время урагана. Он достаёт из самых глубин то, что мы так старательно прятали друг от друга, от самих себя,

от всего мира, который столь яростно пытался нас уничтожить…

Наваливается на меня, чтобы я не смогла вырваться, не смогла снова спрятаться за словами, за обидами, за «я не хочу». Зажимает меня так крепко, чтобы я не могла и сдвинуться. Чтобы не могла выпутаться. Как паук, который облепляет паутиной свою жертву. И от этого у меня кружится голова… Переизбыток чувств к нему буквально выводит меня на какие-то новые неподвластные логике эмоции. Кожа словно срастается с моей… Потому что я уже помню какая она на ощупь. Я помню, какая она на запах и даже вкус… Я помню это так хорошо, что ощущаю его фантомные касания повсюду. На бёдрах, на талии и даже на своей попе…

Его прикосновения прожигают сквозь одежду, каждое движение его пальцев отзывается дрожью по всему телу, как будто он касается сразу нервных окончаний моей души.

В этот момент я понимаю… Ничего не прошло. И не пройдёт. Ни через год, ни через два, ни через вечность. Всё остаётся там же, где и было… Или даже глубже… Там, где не достать при всём желании. Не вынуть, даже если будешь оперировать.

И вдруг меня начинает колотить ещё сильнее от воспоминаний о поцелуе с Даней. Потому что всё познаётся в сравнении... И теперь я чётко могу сказать, что это не моё. Моё вот… Передо мной. Это – сумасшествие. Чистое, необузданное, сметающее всё на своём пути. Но мне так больно от то-

го, что я решаю не сама. Мне больно, что он просто берёт то, что хочет. Словно показывает мне, что у меня снова нет выбора.

Даже дёрнуться мне не даёт. Придавливает намертво – не силой, а своей нуждой во мне, своей невозможностью отпустить. И я растворяюсь в этом, на одну секунду перестаю сопротивляться... Вспоминаю нас… Теми, что мы были раньше. Нетерпеливыми, взрывными, голодными друг до друга… Когда могли всю ночь напролет целоваться и обнимать. Когда даже во сне скучали…

Но этот поцелуй всё равно другой. Он взрослее. Он жёстче. Он заставляет меня чувствовать что-то внизу своего живота. Острое, невыносимое. Такое, что хочется сорвать с Макса одежду и начать целовать всё его тело сразу… И это ужасно, я знаю. Я снова себя предаю. Но сопротивляться больше просто не в состоянии. Молю Господа помочь. Оторвать меня от него, пока всё не зашло слишком далеко… Решил – уехал, вздумал – вернулся. А я как игрушка… Нет, я так не хочу… Пожалуйста!

И как раз в этот момент неожиданно мы слышим звуки входной двери... Кажется, это отец вернулся. Макс на секунду ослабляет хватку. И этой секунды мне хватает, чтобы наконец вспыхнуть.

Стыд, обида и отчаяние бьют по сознанию сразу же. Как я могу? Как я позволяю себе сдаться? После всего, что было между нами, это даже унизительно. Позволить себе забыть,

сколько боли он мне причинил, сколько раз заставлял чувствовать себя ненужной, сколько раз уходил в моих снах, когда я нуждалась в нём больше всего?!

От неконтролируемых эмоций я влепляю ему пощёчину. Бью со всей силы, вкладывая в этот удар всю свою обиду и боль, что отныне правят во мне постоянно на перманентной основе. Макс явно этого не ожидает. Даже вздрагивает, будто его ударило током. Но глаза его выдают. В них читается то, что он знает, что заслужил.

Я тут же поднимаю с пола сумку и бросаюсь вниз по лестнице... Хватаясь за перила, кажется, вонзаю занозу себе в ладонь, но не чувствую ничего, кроме того, как горят мои губы от его пламенного поцелуя, который теперь кажется мне одновременно самым правильным и самым разрушительным поступком в моей жизни…

Глава 12.

Максим Волков

Она убегает, запуская мой внутренний двигатель, который рвёт и мечет в грудной клетке, но я всеми силами заставляю себя стоять на месте… Хоть и знаю, что порой применить силу не плохо, порой только это и может решить проблему, но только не сейчас… Я должен отпустить её…

Блядь, стоило поцеловать, и всё вернулось на круги своя. Она всё ещё моя Лиза. Моя родная особенная девочка, от которой у меня все мысли вскачь и сердце всегда выпрыгивало из груди. До сих пор выпрыгивает… Я помню всё. И она это помнит. Я понял просто потому как она меня целовала. И пусть поступил грубо, пусть неправильно. Мне похер. Я не хочу терять то, что внутри. Самое важное. Самое ценное… Незабываемое.

Молча выхожу за ней следом мимо ошеломленного происходящим Андрея, который застыл в прихожей с ключом в руках, и следую на крыльцо, глядя на то, как она уже садится в машину, не оглядываясь, и захлопывает дверь. Такси уезжает...

Я смотрю ей вслед, и ощущение, что весь план по её возвращению трескается по швам. Я не совсем так планировал. Я не думал, что так получится. Что придётся насильно целовать. Что придётся останавливать её. Рычать друг на дру-

га. Я не этого добивался. Просто хотел поговорить, но она и слушать бы не стала. Я по глазам это понял… Ехать за ней сейчас не стану… Это было бы крайне тупо. Ещё больше бы разосрались…

Возвращаюсь домой. Ноги тяжёлые, будто налиты свинцом. Вхожу, хлопаю дверью. Бешусь люто, даже если до сих пор чувствую на губах её вкус. Андрей выходит из кухни, смотрит на меня с удивлением, и в его взгляде столько вопросов, но я не хочу на них отвечать. Не сейчас.

– Дай телефон, – прошу я хрипло. – Пожалуйста. Она меня заблочила давно…

Он молча протягивает мне свой телефон. Без слов и отговорок.

– Спасибо…

Беру его и пишу ей сообщение. Сразу от себя. Не собираюсь, нахрен, скрывать…

«Это я. Куда ты поехала? А главное – нахрена? Ну хочешь, я уеду отсюда! Хочешь?! Давай я уеду!».

Отправляю. Смотрю на экран, жду, когда появятся эти три точки, которые скажут, что она печатает. Но нихуя… Тишина длится минут пять, пока я расхаживаю по своей комнате из угла в угол, как еблан. Весь на нервах.

И вдруг телефон издаёт звук.

«Ты уже уехал! Непонятно только для чего вернулся! Чтобы добить меня?!».

Пиздец… Реально так думает?!

«Блядь, Лиза. Нет! Я не хочу этого. Поговори со мной».

«Нет. Я не стану больше слушать! И ты не имел никакого права меня целовать!».

Блядь. Как же бесит, а… Как меня трясёт сейчас. Лучше вообще сейчас не писать, но я не могу.

На бешенных эмоциях набираю её номер. Слушаю гудки, которые очень скоро прерываются, как будто меня скинули.

«Поговори со мной!!!», – печатаю снова, и пальцы не попадают нормально по буквам. Получается только с третьего раза.

«Нет!».

«Лиза, мне нужно сказать тебе. Возьми трубку. Я прошу тебя».

«Я сказала нет! Я слишком маленькая для тебя, удачи!».

Блядь, как же она меня выворачивает. Просто выкручивает мне все жилы с корнями. Бьёт теми же словами. Издевается будто… И я понимаю – виноват. Но, сука! Не так же жестоко, да?! Ещё и объясниться не даёт!

Сколько бы я ни звонил после этого, она не поднимает трубку. Ни на пятый раз, ни на десятый, ни на двадцать первый раз...

Нервы натягиваются до предела. Внутри всё кипит, бурлит, ищет выход, и я больше не могу держать это в себе. Встаю с кровати, начинаю крушить, ломать всё вокруг себя. В ход идут и всякие кубки, что стояли у меня на полке, и рамки для фоток. Чудом остаётся на месте только ноутбук.

Наверное, потому что на задворках разума я всё же понимаю, насколько это тупо, жалко и беспомощно выглядит.

И как только звуки, доносящиеся из комнаты, выходят за пределы разумного, Андрей стучит в дверь.

– Заходи, – говорю я, падая обратно на кровать.

Он входит, увидев разгром, что я тут учинил. Но не ругается на меня. Садится рядом, случайно прохрустев осколком на полу.

– Позвонил? – спрашивает тихо.

Я падаю на кровать спиной.

– Она не берёт… Не берёт. И не будет брать… Решила, что уедет… И всё тут.

– Она уже взрослая, – вздыхает он. – Она имеет право переехать, раз приняла такое решение. Меня слушать точно не станет…

Я чувствую, как меня колотит от этих слов, но не знаю, что мне делать. Я правда запутался. Хотел как лучше… А ощущение, что всё, блядь, сломал.

– Я думал, что если вернусь, если скажу ей правду, как она есть, то она реально поймёт меня, – будто выворачиваюсь наизнанку, проглатывая гордость. Мне не до неё сейчас. – Думал, что она почувствует, что у меня не было выбора, но теперь я понимаю, что она вообще не хочет меня знать. Она даже слушать меня не желает…

Андрей садится рядом.

– Иногда люди не готовы слышать правду… Не потому что

чувства прошли. А потому что правда слишком больно бьёт. Тем более, вы столько пережили вместе. И после расставания тоже… Максим, будь умнее… Ей нужно время, чтобы понять, что ты пришёл не для того, чтобы всё снова разрушить и причинить ей боль. Она должна понять, что ты пришёл для того, чтобы всё исправить…

– А если у меня нет этого времени? – спрашиваю я, поднимая голову, и смотрю ему прямо в глаза. Внутри всё гудит. – Если мне кажется, что до первого сентября я просто, блин, не доживу?

Он болезненно молчит и смотрит на меня с жалостью, потому что на такие вопросы нет правильных ответов. Я вообще не должен так говорить. Это всё от бессилия. Но это стрёмно с моей стороны. Сначала принимать взрослые решения, а потом вот так перекладывать ответственность за них на чужие плечи. Нет… Я так делать не стану. Просто мне, сука, больно…

Я подхожу к окну и смотрю на звёзды. Раньше мне казалось, где-то вдали от меня она тоже смотрит на них, и мы так общаемся. Сопливо – да. Но правда…

– Я не сдамся, – говорю Андрею, но по факту – сам себе. – Пусть сейчас она не хочет меня слышать. Пусть делает вид, что я для неё ничего не значу. Но я не сдамся, я буду пытаться. Потому что если я опущу руки, значит, всё, что между нами было, ничего не стоило. А это не так…

Андрей кивает… Ещё немного сидит со мной, пока я уби-

раю то, что здесь устроил, потому что начинать всегда нужно с себя… И с того, что тебя окружает… Так всегда говорил мой отец. Я беру этот кулон, который она в меня бросила, вешаю его на свой светильник. Смотрю на это сердце и у меня чёткое представление её ключиц перед глазами… То место, где бы именно оно у неё находилось… Даже помню милую маленькую родинку справа… Я помню вообще всё…

Подожди немного. Я найду способ залечить нам обоим раны. Я заставлю тебя услышать меня, даже если ты будешь закрывать уши. Даже если будешь кричать, чтобы я ушёл. Я буду рядом с тобой каждый день. Каждую секунду. Пока ты не поймёшь, что я не уйду. Что я не могу без тебя… Родная… Дай нам этот последний грёбанный шанс…

Глава 13.

Лиза Широкова

Господи. Я села в такси и сразу же набрала Вике сообщение. Руки дрожали. Не могла прийти в себя… Всё вдруг вернулось обратно. Все те чувства, которые я пыталась захоронить и теперь, понимая, что он звонит мне, меня колошматит ещё сильнее…

Интересно, сейчас могло что-то случиться, если бы папа не вернулся? Могли ли мы перейти черту с Максом? Я же не отталкивала его и… Он трогал меня… Не грязно, но очень интимно трогал. Будто чувствовал, что теперь можно. Что моё тело его зовёт. И мне на секунду показалось, что если это продолжится, то очнёмся мы с ним уже в спальне… Боже мой! Это катастрофа!

Вика встречает меня с круглыми глазами, потому что я написала ей, что ненавижу Макса и что мы поцеловались…

Едва я переступаю порог её квартиры, как падаю ей в руки и реву.

– Тихо, тихо… Малыш, ну ты чего…

– Я его ненавижу, ненавижу! Вика…

– Всё, успокойся… Тише, пойдём ко мне в комнату… – мы проходим мимо кухни, откуда выглядывает её мама. И всё, что я могу, это поздороваться с ней, потому что меня всю трясёт. Я не в состоянии даже держать лицо…

– Он не хотел отпускать… – веду пальцем по рисунку у неё на покрывале, а она вздыхает.

– Лиз… Я, наверное, не имею права так говорить, но что если… Что если он хочет всё наладить…

Я смотрю на неё и хмурюсь.

– Мало ли чего он хочет… Главное, я не хочу…

– Ты так уверена?

– Конечно… Почему ты спрашиваешь?! – чуть повышаю тон, и она растягивает губы в полоску.

– Успокойся, ладно? Я на твоей стороне… Просто я же тоже не слепая… С Даней ты не хочешь быть по понятной причине… Он тебе никогда не нравился, но Макс…

– А Макс вырвал мне сердце! Ты сама это знаешь…

– Он уехал тогда, сказав, что ты маленькая для него. Может, пытался защитить тебя от себя… – предполагает она, но у меня внутри столько ненависти и обиды, что я не задумываясь отвечаю:

– Защитник нашёлся! Такой молодец вообще! Ничего не сказать!

– Ээээх, – вздыхает она. – Я тут нам фильм приготовила… Думала, закажем пиццу, посмотрим что-нибудь, расслабимся…

Слышу, что мой телефон разрывается от звонков.

– Заблокировать и отца тоже? Как думаешь?

– Лиз, ну… Это слишком…

– Да, наверное… Просто это всё усложняет…

– Это да, нужно было думать, прежде чем вступать отношения со сводным братом, – хихикает. – Это всегда один дом, общие родители и общие проблемы… До конца дней своих… А потом у вас появятся дети…

– Что? – спрашиваю и голос мой дрожит от эмоций.

– Ну, не в смысле у вас вместе… А у него и у тебя… Будут приезжать к бабушке и дедушке… – говорит она, и меня выворачивает изнутри. Я об этом даже не думала. Ведь когда-то у нас, наверное, и впрямь будут дети… А что если реально будут видеться… Что если у него они появятся раньше? И Жена… У него будет жена. Я приеду к родителям случайно, а она там с ними… Боже, я умру…

Нет, Лиза, стоп. Это ты сейчас так думаешь. Потому что раны свежие… А потом тебе будет вообще пофиг на него и его семью!

Краем глаза я вижу новое сообщение на экране. Не открываю всю переписку, только приоткрываю это, где огромными буквами написано:

«Если я ещё раз увижу его с тобой, я по нему дорожным катком проедусь, понятно?».

От возмущения мне хочется что-то написать, но я хорошо понимаю, что он это специально. Он выводит меня на эмоции. И мне нельзя вестись. И главное, Максим знает, где я работаю… Значит, мне от него вообще не скрыться. Что делать, ума не приложу.

«Мы нашли квартиру. Классную, – на эмоциях пишу Дане

сообщение и скидываю фотки. – Ты за?».

Оно прочитано буквально сразу же и карандашик начинает двигаться.

«Я за, если ты всё ещё хочешь жить со мной».

«Не с тобой, а с тобой и Викой», – поправляю я.

«Я это и имел в виду, Лиззи, успокойся».

Порой он зовёт меня так, а порой более роскошным Элизабет. Не могу сказать, нравится мне это или нет. Я просто ничего при этом не испытываю, потому что так или иначе вспоминаю слова «сестрёнка, ангел или даже простое Лиза» из его уст. У него даже произносить это получалось по-особенному… Это нечестно.

«Завтра у меня выходной в кафе, мы планируем заезжать туда в 11:00. Нужно сразу треть суммы от оплаты и залога, сможешь?».

«Смогу, конечно, что за вопрос».

Я знаю, что он сможет. Он немного из другой молодежи. Обеспеченный родителями от и до. «Упакованный», как сейчас говорят. Они купили ему дорогую машину, готовы исполнять любой его каприз. Теперь это желание Дани жить отдельно от них и заниматься своим стартап-проектом. Так-то он очень умный… Деятельный. Просто… Он не в моём вкусе. Вообще. А может дело и не в этом. Ведь я не знаю, какой у меня вкус. Знаю только одно – он не Макс. И этим просто всё сказано…

– Ну что ты там? – Вика смотрит на меня с жалостью, пока

я переписываюсь с Даней.

– Ой, прости… Дане написала, он готов…

– Хорошо… Я надеюсь, вы сможете прийти к чему-то, чтобы я там над вами не кринжевала…

– Вот только попробуй! Он же всё почувствует и поймёт!

Она ржёт.

– Блин, Виикаааа!

– Всё, всё, молчу… А это…? – лукаво смотрит на меня, приподняв бровь.

– Что?

– Как поцелуй…?

– Отвратительно…

– Ты не поняла, я не про Даню… – говорит она, глядя мне в глаза с лёгкой улыбкой, и я шумно вздыхаю на всю комнату, отчего она начинает хихикать. – Не продолжай… Я всё поняла, подруга…

Глава 14.

Максим Волков

Весь последующий день я на стену лезу. Ночью не мог уснуть. Она мерещилась… Я даже ходил в её комнату… А там вообще пиздец. Всё о ней. Её запах… Её тепло, которое ещё осталось на постели… Я буквально вертелся как заведенный всю ночь. Комкал простынь в кулаки. Надеюсь, Андрей этого дерьма не слышал. И тут не только о том, что я скучал по ней, конечно. Тут лютое желание, чтобы она лежала рядом со мной голой. Желательно подо мной.

– Доброе утро… Ты чё куда?

– Доброе, Митяй в автосервис позвал… Сегодня к девяти сказали подъехать…

– А-а-а… Понял. Круто, удачи тогда.

– Спасибо…

– Я к Полине на обеде поеду…

– Привет передавай…

– Обязательно… – говорит он и давит в себе вопросы, которые, очевидно, хотел задать, но не смог. Да и я как-то не собираюсь их вытягивать. Мне максимально некомфортно. В частности, из-за того, что я вчера поступил, как баран… Мало того, что строчил с его телефона, так ещё и разнёс половину своей комнаты. Красавчик.

Пью кофе, завтракаю, думая о ней. Ещё раз проверяю в

блоке ли до сих пор. И да – конечно. Ещё бы она меня вынула. Особенно после вчерашнего…

Выхожу на улицу, сажусь на мотик, думаю, что скоро нужно будет покупать себе машину…

Подъезжаю в автосервис, здороваюсь с батей Димки. Перекидываемся парой фраз, у меня просят документы, объясняют всё. И разумеется, для меня это самый что ни на есть подходящий вариант из всех.

На работу я соглашаюсь. Благодарю друга в сообщении. Его батя говорит, что ему бы самому нужно хоть немного соображать в этом, но суть в том, что Митька вообще никогда по этому не упивался, так что… Сомневаюсь, что захочет вообще. Это моя жизнь – гайки и ключи. Он как-то больше по технике, а не механике.

– Значит, ребят… Это Максим, прошу любить и жаловать…

– Дарова, Максим.

– Витя.

– Серый…

Знакомлюсь со всеми и начинаю свой рабочий день, стараясь выкинуть изнутри мысли о том, что пока я здесь, она там… С ним. В новой квартире. И даже если там Вика… Один хер… У меня внутри всё дербанит. Настолько, что выть хочется. В обед я не выдерживаю, пишу сообщение.

«Привет, это Макс… Не говори ей, что я писал, просто… Я переживаю сильно за неё. Там у вас всё в порядке? Хоро-

шая квартира? Мне нужно знать», – отправляю и не знаю, ответит ли она мне. Скажет ли ей, что я писал. Но мне всё равно. Даже если скажет…

Я чувствую, как ком подступает к горлу, когда телефон издаёт звук. Смотрю на экран и понимаю, что это не Вика, не мама, а ответ из университета… Открываю письмо и вижу, что мне нужно принести оригиналы документов в приёмную комиссию в срок до 22 августа… Но это не «нет»… Это почти «да», получается…

Как груз падает с плеч… Я понимаю, что Бог на моей стороне, раз всё это произошло…

Обед заканчивается, я продолжаю обсуждать с мужиками работу в прошлом месте. Где-то даже подсказываю, что знаю по поводу замены ГРМ и проверки вспомогательного ремня.

– Мы сразу смотрели, потому что если чё, потом снова разбор… Лишняя морока.

– Согласен.

– Шаришь, – жмёт мне руку тот самый Серый. – Может возьмёшь машинку на диагностику тогда? Если что обращайся. Девчонка звонила там… Стучит у неё всё… У нас паренек ремонтировал, уволился. А она только щас повторно едет…

– Возьму, не вопрос…

Жду, когда та самая 057 заедет в наш бокс… А когда это происходит, у меня в момент внутри всё переворачивается, потому что из машины выходит Алиса. И я, сука, покрыва-

юсь иголками.

– Макс… – застывает она, уронив взгляд. – Привет.

Я тут же протягиваю руку.

– Ключи. Какие ещё проблемы кроме стука?

– Ну… – вкладывает она мне их в руку. – Капает со дна… Вчера заметила…

– Спереди, сзади?

– Спереди…

Я замечаю капли. Провожу рукой. Нюхаю.

– Это конденсат просто от твоего кондея… Сегодня жарковато на солнце.

– Это не страшно?

– Нет.

– М… Хорошо…

– Оставляй на полтора часа, менеджер отзвонится. Оформляться там… – указывают на кассу, и она начинает идти туда, а потом останавливается.

– Максим…

– Что?

– Мы… Можем с тобой поговорить?

– По поводу машины. Это всё.

Она сглатывает, а я просто начинаю заниматься осмотром и диагностикой. Если бы можно было вложить во взгляд всю ненависть, я бы так и сделал. Эта сука сломала мне всю мою жизнь. И ладно бы, мы с Лизой остались вместе, я бы забил болт. Но нет… Сейчас всё это происходит из-за них. Я не с

ней из-за них… И я её презираю за это.

Подкатываю тележку с инструментами, надеваю перчатки на руки. И сразу будто сбрасываю с себя все лишние изматывающие мысли и тревоги. Прошлое, которое никак не даёт покоя. Работа есть работа.

Сначала делаю визуальный осмотр её тачки. Проверяю патрубки, уровень жидкостей, ремни. Уже потом беру сканер и подключаю к разъёму под рулём. На экране высвечиваются коды ошибок, и я уже примерно прикидываю в голове, что и где, как меня учили.

Потом спускаюсь в яму, осматриваю днище, подвеску, тормозные диски, ищу подтёки, люфты, износ. Пальцами проверяю крепления, прислушиваюсь к каждому скрипу, к каждому стуку. Машина в отличии от её ебучей хозяйки не станет врать.

В итоге говорю мужикам, что и как у неё здесь разъёбано. Они перепроверяют. Дают мне добро на ремонт. Я передаю менеджеру, что нужно оставить тачку минимум до завтра. Часов до трёх. Быстрее не получится…

Приступаю к работе… Заёбываюсь, разумеется. Даже когда другие расходятся, я ещё остаюсь здесь. Хотя меня уже выгоняет главный цеха.

И только тогда я иду переодеваться, стираю с рук грязь, беру телефон и…

Вижу сообщение от Вики.

«Привет. У нас всё в порядке. Квартира хорошая. Лизе

нравится».

Я сглатываю и киваю сам себе. Хотя никто не видит. Просто это то, что я должен был услышать.

«Хорошо. Я рад».

Потираю свою уставшую морду и сижу, опустив голову на руку минут пять точно. Потому что всё внутри меня буквально кричит о том, насколько я заебался… А потом телефон издаёт новое оповещение, и меня начинает трясти, когда я вижу:

«Макс. Ты всё ещё любишь её?».

Что тут ещё сказать?

«Люблю. Больше жизни люблю»…

Глава 15.

Лиза Широкова

Утром, когда мы с Викой и Даней заселяемся в квартиру, я почти всё время молчу. Перевариваю то, что случилось вчера, да и с Даней до сих пор странно находиться в одном помещении… Я, конечно, смирюсь с этим со временем, просто пока ещё некомфортно обоим. Вика, разумеется, замечает это и пытается как-то сгладить ситуацию. Отвлекает нас. Смешит. Мы отдаём арендодательнице деньги, подписываем договор, и она уходит, оставив нас втроем в своей новой квартире…

– Офигеть… Ну вот оно… Свободная жизнь, – Вика падает на диван и улыбается. – Как вам?

Я тоже сажусь рядом.

– Офигенно…

– Согласен… Пиццу хотите? Или роллы?

– Можно отметить вечером, – довольно соглашается Вика.

– А пока, наверное, каждому нужно разобрать свои вещи… – говорю я, вздыхая, и Даня кивает. Мне кажется, он чувствует всё. Не дурак же…

– Ок… Я тогда тоже пойду… Своими делами заниматься… – он уходит, а Вика смотрит на меня округлившимися глазами.

– Что???

– Да ничё! Ты видишь вообще чё с парнями творишь, а?! – и хохочет, как дурочка…

– С парнями… Сказала так… – бубню себе под нос, и она пристально на меня смотрит.

– А что если… Ну, гипотетически… Что если…

– Что?

– Что если Максим писал мне вчера… – говорит она почти как бы между делом, и я меняюсь в лице.

– Это гипотетически или реально? Вика!

– Лаааадно, смотри… – она протягивает мне свой телефон, вздыхая, а там… Переписка с Максом. Где он пишет, что любит меня больше жизни. Что хочет всё вернуть. Что ему нужно со мной поговорить и прочее… Даже то, где он сейчас работает. Сердце в моей груди болит. Я хмурюсь, прочитав всё это.

– Зачем ты вообще ему отвечала?

– Мне было его жаль…

– Не нужно было, Вика…

– Лиз… Я знаю это. Но… Что если он говорит правду, а? Только подумай… Что если Максим вернулся, чтобы всё наладить…

– Поздно вернулся, – ворчу я, хотя у самой от этой мысли внутри всё переворачивается, выстраиваясь заново…

– А что если нет? Что если ты сама его до сих пор любишь? Ты бы видела своё лицо вчера после вашего поцелу… – она замолкает и смотрит куда-то позади меня. Я оборачиваюсь

и вижу Даню, который застыл в дверях. Выражение его лица говорит само за себя. Он слышал… И уходит обратно, будто что-то забыл, а я смотрю на Вику.

– Отлично…

– Блин, я же не виновата!

– Ага… Ты никогда не виновата… Только именно у тебя в телефоне сейчас переписка с моим бывшим, а не наоборот!

– Ну простииии… Я всё ещё не могу забыть какой парой вы были…

– И какой?

– Самой красивой. Ты и сама это знаешь…

От этих слов становится ещё больнее… Но я не хочу это показывать… Одних только слов о том, что он до сих пор меня любит достаточно, чтобы посеять во мне сомнения о том, что я всё делаю правильно. А не совершаю самую большую ошибку в своей жизни…

До обеда мы разгружаем вещи, украшаем, облагораживаем квартиру. Моем полы… Даня всё это время сидит в своей комнате, не выходит. Я так понимаю он обиделся на меня после услышанного. Но у меня внутри всё гудит…

– Что ты теряешь? Поговорила бы с ним… – настаивает Вика. – Обозначила всё… Пусть бы старался вернуть.

– Я не знаю. Достаточно боли, думаю… Всё сложно.

– У тебя сегодня выходной. А он сегодня работает… Вы могли бы пересечься там. В чём проблема?

– Проблема в том, что так быть не должно. Он сначала

втирается в доверие, а потом вонзает нож в спину. Так уже было и я боюсь повторения…

– Может, он осознал. Может, он тебя оберегал? Тебе было шестнадцать… И все были против вас. Может то, что он уехал всё-таки было чем-то большим?

Я кривлю губы.

– Ты надумываешь… Мы бы справились. Даже если бы учились с ними в одной школе… Какая разница? Что бы нам кто сделал?

Вика пожимает плечами.

– Я бы поговорила с ним…

– Вот иди и разговаривай!

– Ой, дурында… – закатывает она глаза… И ещё час я думаю об этом. Не просто думаю, а верчусь перед зеркалом, разговаривая с самой собой, будто с ним. По идее я могу ему сказать… Больше ничего нет. Внутри пусто. И не целуй меня больше никогда! Но это будет гнусной ложью. И он сразу же это поймёт… Ээээх…

В районе трёх мне звонит отец… Я беру трубку с опаской, потому что всё ещё боюсь услышать голос Максима, но…

– Привет…

– Привет, пап…

– Заселились?

– Угу. Тут классно.

– Я рад… Очень…

– К Полине я заеду обязательно… Завтра.

– Хорошо, её уже через недельку выписывают…

– М… Понятно…

– Лиз…

– Да?

– Если будет плохо или грустно, ты можешь… В общем, ты можешь всегда поделиться и рассказать, ладно?

– Ладно… – отвечаю я, проглатывая ком, назревающий в горле.

– Хорошо… Я на связи.

– Угу… Спасибо, пап… – я кладу трубку и смотрю на экран… Открываю сообщения, которые Макс отправлял мне с отцовского номера.

«Я тебя люблю. Никогда не переставал любить. Нам нужно поговорить, Лиза».

«Один шанс. Один разговор. Я прошу тебя».

«Мне тебя не хватает».

Я даже читать нормально не могу. Сразу же глаза слезятся… И я понимаю, что все вокруг правы… Хватит бегать. Хватит притворяться… Нужно просто послушать. А если ничего в груди не ёкнет, в чём я очень сомневаюсь, конечно, окончательно попрощаться…

Так я начинаю одеваться. Простые шорты, топ, полупрозрачный кардиган, чтобы не обжечь плечи, потому что сегодня очень жарко. Смотрю на себя в зеркало. По ощущениям я не изменилась. Будто снова шестнадцать и я бегу на встречу с ним… Когда он вернулся всё встало на свои места…

Снова… Я прохожу мимо Вики, и она просто смотрит на меня всё понимающими глазами. Чтобы не травмировать Даню ничего не спрашивает вслух… Кажется, и так понимает куда я иду.

– Я вернусь через полтора часа… – объясняю, и она кивает…

Я выхожу на улицу, щурюсь, надеваю солнцезащитные очки и смотрю по навигатору, где находится тот самый автосервис, в котором он теперь работает. Руки дрожат от страха. Пятнадцать минут, и по идее я должна быть на месте…

Я доезжаю на автобусе… Ощущаю внутри панику. Сердце так и долбит о рёбра, не переставая. Но я всё равно нахожу в себе силы и захожу внутрь к стойке.

– Здравствуйте… Мне бы увидеть Максима Волкова… Он у вас работает теперь…

– А, да… Он сейчас занят там… Буквально пять минут подождите… Ну или пройдите вон туда… Там диванчик есть…

Я киваю и иду в комнату ожидания… К тому самому диванчику. Внутри неспокойно… А потом я смотрю через окошко в огромный бокс, и сердце моё буквально раскалывается на новые ещё более мелкие фрагменты…

Потому что там стоит Алиса… Та самая Алиса, которая когда-то уже пыталась всё разрушить. Привстав на носочки, она обнимает Максима, и я буквально перестаю дышать… Внутри всё ломается, расходясь на трещины… Какой же он

урод. Нереальный просто… То ко мне вернулся, то к ней… Я не понимаю, что происходит. Но у меня внутри снова так болит. Я её ненавижу…

Разворачиваюсь и убегаю оттуда, пока не наделала ещё больше ошибок. Зря я вообще подумала, что хоть что-то можно вернуть. Всё в прошлом. И мы с ним никогда не смогли бы стать прежними…

Глава 16.

Максим Волков

Утром не спокойно… Я всё время проверяю сообщения. Не написала ли она или Вика что-то новое о ней…

Должен ехать на работу, но все мысли где-то там… И от этого я злюсь ещё сильнее. Разумеется, весь день проходит в таком вот напряжении.

Когда Алиса приезжает за тачкой я в принципе не готов ей что-то объяснять, но не один раз слышал, что нельзя мешать личное с рабочим. Поэтому я просто пытаюсь задавить в себе ту ненависть, которая неожиданно проснулась во мне вчера и никак не угасала до сегодняшнего обеда…

– Значит, можно забирать? – звучит её голос, от которого раньше меня выворачивало, а сейчас… Сейчас я просто испытываю крайне странные эмоции. Словно встретился лицом к лицу с тем самым прошлым… Которое меня уничтожило.

– Да, можно, я же сказал. Жидкости все сменил, всё закрепил…

– Спасибо.

Я молчу и просто отворачиваюсь, начиная складывать инструмент, но вдруг слышу за спиной:

– Максим… Ты прости меня, пожалуйста, за то, что было в школе…

Эти слова режут как по-живому. Но я не оборачиваюсь. Сглатываю. Пытаюсь делать вид, что меня это не касается. Или больше не трогает.

– Я была не права… Заревновала… Завидовала ей сильно. Я такая дура была…

– Алиса, уезжай отсюда, а…

– Нет, я… Понимаешь, Максим… Я правда очень жалею о том, что тогда было… Я… Вышла замуж полгода назад, – говорит она, всё же заставив меня обернуться. Не знаю, что внутри сейчас. Но это даже не злость. Я, походу, даже сочувствую тому парню.

– Мне тебя поздравить? Этого ждёшь?

– Нет, Макс, – она мотает головой. – Я не могу выносить… Никак не могу…

Ком подступает к горлу, когда слышу это.

– Три беременности и все мимо… Мы ругаемся…

– Алиса… – перебиваю я. – Нахуя ты мне это рассказываешь?

– Я просто сто раз думала об этом. О том, что Бог меня так наказывает… За вас… – её глаза слезятся, да и сама она вся трясётся. А у меня внутри и без того апокалипсис. Неужели она думает, что мне вообще интересно это всё слышать?! – Вы так и не вместе?

– Нет, Алиса. Не вместе…

– Макс… Прости меня, – она тянется ко мне, чтобы обнять, и сначала я вроде как делаю шаг назад, но эта боль.

Она откуда-то лезет. Изнутри… И меня самого, если честно, колотит. Просто от одной мысли, что она стоит рядом, обнимает и просит у меня прощение за то, что уже никогда не вернуть назад. – Я уверена, что ты будешь счастлив. Ты хороший парень… Ты…

Я всё же не выдерживаю. Чуть отталкиваю её от себя.

– Это всё? Мне правда нужно работать.

– Она у тебя сильная… Я помню, как она за тебя боролась… У вас любовь была. Я залезла… Я была не права…

На этом моменте я просто разворачиваюсь и ухожу в сторону стойки администрации. Потому что не могу её слушать. Заебало. Меня просто разносит. Уж не знаю, нахуя она всё это начала. Ищет прощения у своего Бога? Надеется, что после извинений он принесёт ей ребёнка? Круто, конечно, если можно просто сломать кому-то жизнь, один раз помолиться и всё забудется. Но я надеюсь, что это всё же не так. Ибо то, что мы с Лизой пережили за это время и то, что мы друг друга потеряли целиком на их совести… И остаётся там. Ненависть моя не угасает. И, возможно, я не прав, что не умею прощать… Будь мы с Лизой вместе, я бы ещё попытался, а так… Я даже думать о них не могу. Задушил бы.

– Макс, чё нашли тебя? – спрашивает админ, вырывая меня из негативных мыслей.

– В каком смысле?

– Ну девушка спрашивала…

– Я отпустил уже, отдал тачку. Отправил на кассу.

– Да не, там другая.

– Какая другая? Не было никого…

– М… – он пожимает плечами, а я нахмуренно смотрю на него, не понимая о чём идёт речь. Перепутал, наверное, что-то. Ну да ладно…

– Есть ещё чё?

– Сузуки 035 на диагностику возьмёшь?

– Возьму.

– Ну иди тогда…

– Ок…

Исчезаю в боксе, снова принимаю машину, лезу в яму… Но все мои мысли о том, что она сказала сейчас… И не об извинениях или неспособности выносить, а… «Она у тебя сильная… Я помню, как она за тебя боролась… У вас любовь была».

Она не была. Она есть… Просто её нужно разбудить и только. Я верю в то, что это возможно. Верю в то, что когда-нибудь она всё же меня выслушивает. Тем более, Вика начала писать мне. Я ей всё выложил, хоть и не собирался. Но не сдержался просто… Она её подруга. Ей виднее, что Лиза ощущает и стоит ли ей говорить вообще… Обо мне и о том, что я до сих пор чувствую…

После выполненной диагностики отпрашиваюсь пораньше, чтобы доехать до универа и отвезти документы…

Территория большая, здание весьма неплохое. Ничуть не уступает ЛЭТИ, где я сейчас учусь. Я тащусь в приёмную

комиссию, теряясь в коридорах и изучая стенды… Отдаю всё секретарю, она снимает копии, заверяет их и прикладывает к личному делу.

– Значит, перевод одобрили?

– Да, конечно. Разницу уточните у самих преподавателей. Возможно что-то проставите автоматом.

– Было бы здорово…

Мне возвращают документы, говорят это пресловутое «добро пожаловать», а меня от эмоций буквально разрывает на части… Я выхожу оттуда каким-то до одури счастливым человеком… Все мысли мои о том, что скоро я окажусь с ней в одном универе и вернуть её станет намного проще. Ну, во всяком случае, мы будем видеться чаще…

И тогда я пишу Вике: «Меня приняли. С 1-го сентября буду учиться с вами в универе». Рядом появляется две галочки «прочитано». Только никакого ответа.

И тогда я пишу второе:

«Можешь сказать ей сразу, а можешь не говорить, не знаю, как будет лучше»…

И вот оно отчего-то уже не доставлено. Я пробую снова и снова, и только потом понимаю, что меня опять внесли в чёрный список. Ком подкрадывается к горлу и сердце щемит с новой силой.

Какого хуя, а?... Что я опять сделал не так?!...

Глава 17.

Лиза Широкова

День ото дня одинаковый…

Я работаю в кафе, живу с ребятами и игнорирую любые попытки Макса связываться со мной, потому что вообще ни при каких обстоятельствах не желаю с ним контактировать… Даже убегаю после смены через чёрный вход, потому что однажды он приходил, но я не представила ему нового шанса. Пошёл он! Сам виноват! Когда я вернулась и рассказала всё Вике в слезах, она вообще ничего не поняла. Вид у неё был такой разочарованный. Думаю, что она не ожидала этого. Да и я не ожидала. Не понимаю, зачем так гадить в душу. Ну хочешь ты быть с ней – будь. Я вас мешать не стану. Мало ли что было в прошлом. Это уже не моего ума дело.

– Уже завтра… Я волнуюсь…

– Я тоже… Хотя. Одежда поглажена, тетради сложены, запасная ручка есть! Что может пойти не так?

– Не знаю… Всё? Всё может пойти… Как обычно, – смеюсь я, и Вика тоже. Потому что за время, проведенное в школе, мы поняли только одно… Чем сильнее стараешься избежать чего-то плохого, тем с большей вероятностью оно тебя настигнет. Увы… Это даже звучит грустно…

Даня ежедневно вкладывается в проект и его до самой ночи нет дома перед учёбой. Правда Вика говорит, что он это

из-за «М», но мы перестали говорить об этом вслух. Я не хочу больше слышать его имя, а она не хочет действовать мне на нервы. Вроде как все в плюсе из-за этого.

– Не грустиии.

– Я не грущу… Думаю о блузке. Нормальную я выбрала? Или всё-таки нужно было приготовить ту розовую?

– Розовую наденешь послезавтра… А завтра в первый день, конечно, белую!

– Ах ну ладно… Ты права, – хихикаю я. – Как рука?

– Вроде неплохо, но пока я пасс… Отец подогнал денег, так что…

– Везёт, – улыбаюсь.

– Ой… Ты сама у своих не просишь! Полина тебе сама толкала в прошлый раз, я видела! А ты нос воротила! – парирует она, а я морщусь.

– Да, но… Я просто… Не хочу быть обузой, что ли…

– Это желание быть самостоятельной, как только одного человека не стало в твоей жизни… Агаааа…

Я тут же воспринимаю в штыки. Любые попытки дискредитировать меня воспоминаниями о нём отныне я переживаю именно так.

– Не правда…

– Правда… Зря что ли я с тобой листовки зимой раздавала в 9-м классе, а?!

Я хихикаю, вспоминая это. Было весело тогда. Мы скользили по тротуару, ловили снежинки языком и всё казалось

проще, чем есть... Хочется верить, что я не из-за него. Вообще не хочу, чтобы он влиял на меня хоть как-то. Всё. Мы больше никогда не пересечёмся!

– А это… Лиииииз…

– Что?

– Завтра же у тебя выходной?

– Ну да… А что такое?

– Хотела тебя позвать погулять после всего…

– Ты же знаешь, я всегда «за», – улыбаюсь, а у Вики такое лицо, будто она что-то скрывает. – Вика… Что такое-то?

– Ты о чём?

– Я не знаю… Просто у тебя вид такой… Заговорщический…

– Что?! Не правда, нет!

– Да… Да! Ещё и глаза бегают…

– Ну вот… Ты щас надумаешь… Жди! – она идёт к холодильнику, что-то там делает и через пять минут приносит мне стакан сока со льдом и мятой.

– Спасибо, конечно… Это зачем?

– Я тебе кое-что не сказала… Я просто… Не знала даже как…

– Вика… – смотрю на неё и у меня уже внутри всё переворачивается. – Опять, да?! Ты опять ему писала?!

– Нет… Не писала. Заблокировала в тот же вечер… Просто… Там такое дело.

– Какое дело?

– Ты всё равно завтра узнаешь…

– Узнаю что?! Вика!

– Он поступил в наш универ… Перевёлся…

Боже мой. Мне становится трудно дышать. Сердце делает резкий рывок и уходит в отрыв по всему организму. Что?!

– Что он сделал?!

– Ага… Он подал документы и отписался мне тогда, что его взяли…

– Н-н-нет… Нееет… Нафига ему это?!

– Я не знаю, Лиз… Наверное, я должна была раньше сказать…

– Наверное?! – вспыхиваю я и встаю с дивана. – Наверное!?

– Ну, Лизаааа!

– Вика, ты видела в каком я состоянии! Я бы хоть сменила универ за это время! Я бы нашла что-то другое! – начинаю паниковать, но подруга встаёт, хватает меня за плечи и смотрит прямо в глаза.

– Так, нет… Ты так не сделаешь. Что значит сменить универ?! Мы туда поступили! Вместе! Это наша мечта! И ты не откажешься от неё из-за какого-то парня, правда?

– Я… – опускаю глаза и меня всю колотит. – Я не хочу с ним учиться… Нет… – мотаю головой.

– Посмотри на меня…

– У него ничего не выйдет. Видеть ты его будешь редко. В конце концов, универ большой, а у нас даже разные курсы…

Так что… Пусть он дистанцируется, не ты! Почему ты обязана? Это не ты к нему в ЛЭТИ приехала!

– Какая же он сволочь… – я хнычу, упав подруге на плечо.

– М-даааа… Лиз… – чувствую, что он обнимает меня.

– Я его ненавижу просто… Пусть бы шёл к своей Алисе… А вдруг?

– Что?

– Вдруг она тоже перевелась…

– Фу! Да у неё мозгов не хватило бы!

– Ой да ладно!

– Да не… Стала бы она… Не думаю…

– Я тогда вообще умру. Если они там за руку ходить будут…

– Меня вытошнит прямо им под ноги! – улыбается Вика, и я смеюсь, но через нервы. Потому что мне так плохо, что слов нет. Не понимаю, зачем он так со мной поступает… Ощущение, что он мстит мне, будто я ему что-то плохое сделала…

– Посмотри на меня, – Вика поднимает мою голову и стирает со щек слёзы. – Всё будет хорошо, поверь… Я тебя в обиду не дам. Если что я его огнетушителем огрею или лопатой. Ему до тебя не добраться!

Я ещё сильнее смеюсь над этим. Понимаю, что это такой бред вообще. Бегать от бывшего. Но поделать ничего не могу. У него, вероятно всего, совсем нет совести, раз он решил добить меня… Ну ничего, Волков…

Мы ещё посмотрим, кто кого… Я тебе такое устрою после всего, что ты мне сделал… За километр от меня будешь держаться. Придурок…

*Листаем дальше

Глава 18.

Максим Волков

Дважды я приезжал за ней в кафе после своей работы… Но она делала вид, что меня не существует. Отвлекать её от дел было бы стрёмно, и я не стал вмешиваться, просто ждал, когда освободится… Ну а она сваливала через задний вход. Так по-детски, если честно… В последний раз её вообще забрал этот самый Даня… Задержись он чуть подольше, я бы может даже сломал ему нос, но она буквально за секунду села в его машину и уехала от меня, будто пытаясь сбежать от собственных эмоций…

А сегодня 1 сентября я чувствую себя ещё хуже, чем обычно. Хоть и понимаю, что откладывать уже невозможно. Нам придётся поговорить, хочет она или нет. И я как бы уже решил, что даже свяжу её, если надо. Посрать. Пока она мне в глаза не скажет, что ненавидит меня и всё в прошлом, я точно не прекращу попытки поговорить.

С автосервисом договорился. Буду приходить туда на полный выходной день – суббота, воскресенье и в среду после пяти до десяти. Всё схвачено, в принципе. Меня устраивает. Это бабки, а они нужны мне так или иначе, потому что жить в доме с родителями я тоже не планирую. Даже если мама вернулась из больницы и настаивает, чтобы хотя бы я не дёргался без причины…

Хз. Мне кажется ненормальным то, что она съехала, а я продолжаю там жить. Даже если я только вернулся. Просто сам факт, что она будто начала другую жизнь, а я варюсь в прошлом, выводит меня из равновесия… Не потому что я должен быть взрослее, а просто потому что один из нас в заведомо проигрышной ситуации… Хотя раньше это была она, а не я. Значит, всё честно…

– Готов?

– Да вроде…

– Андрей может подвезти…

– На моте как-то не солидно, да? – усмехаюсь я.

– Я бы отдала тебе машину, но ей капут…

– Я помню, – улыбаюсь, и мама смотрит на меня, поправляя мой капюшон. Ещё бы я у неё тачку не забирал. Сам заработаю.

– Не стал рубашку надевать… – констатирует, будто даже с огорчением. Хотя когда она в последний раз видела меня в рубашке, блин? Я сто лет их не носил.

– Не хочу. Не первый курс…

– Ну да… Максимка… – проводит рукой по ёжику у меня на голове. – Я переживаю за тебя…

– Не стоит. Я справлюсь, сама знаешь…

– Знаю, но ты не должен держать в себе.

– А я и не держу, поверь. Я, наоборот, готов всему миру разболтать. Просто он меня не слышит, вот и всё.

– Ну, – пожимает она плечами. – Рано или поздно услы-

шит, поверь…

– Было бы круто, конечно… Но с трудом верится… Ладно, ма… Побежал.

– Давай, дорогой… Держись там.

– Без сопливых, – подмигиваю под её улыбку, выхожу из дома и тащусь пешком до универа… Тут идти в принципе двадцать семь минут по навигатору. Как раз прогуляюсь. Не в курсе, где они сняли квартиру. Мне Вика не сказала, но предполагаю, что, скорее всего, поближе, чем наш дом…

Самое забавное, что это вроде как новый этап моей жизни. А меня не волнует ни учёба, ни препода, ни другие студенты… Вообще ничего…

Дохожу до места назначения чуть раньше, чем указывал путеводитель.

Ищу свою аудиторию. Расписание уже висит на сайте… Но когда я иду туда, краем глаза вижу, что первокурсников собирают на стадионе за главным корпусом… И всё. Пиши пропало… Я тащусь туда. Сажусь на самую крайнюю лавку снизу. Ищу её в толпе глазами. И конечно же так же быстро нахожу, как и всегда…

Потому что она одна такая.

Сделала шишку на голове, надела белый верх, чёрный низ, как в школе. То ли задрочить меня сюда пришла, то ли уничтожить воспоминаниями… Нет, она не выглядит на шестнадцать, но и на восемнадцать тоже нет. А суть в том, что я уже не смотрю на неё, как на девочку, которую мне нельзя.

Я смотрю как раз на ту, которую хочу. Конечно, она не могла прийти сюда без своего друга и Викули. Они чё-то даже смеются и радостно прыгают, слушая приветственные слова то ли куратора, то ли кого-то ещё. Хз, кто там перед ними выступает. Мне поебать, даже если время уже перевалило за половину девятого, но я не ухожу…

Я просто здесь. Я просто прогуливаю пары… Просто не могу на неё насмотреться, как раньше. Если бы только можно было подойти, вцепиться в неё, увезти подальше отсюда…

И неожиданно ко мне подсаживается какая-то девчонка в колготках в сетку и огромных чёрных ботинках. Танки или как их там называют.

– Привет… – затягивается и тянет мне сигарету.

– Нет, спасибо, не курю…

– Пффф… Скучный.

Я только усмехаюсь в ответ.

– Чего сидишь тут чернее ночи? Сталкеришь кого-то?

– Ага, типа того…

– М… Диана, – представляется, протянув руку, и я жму её.

– Максим.

– Ты с какого курса? Я тебя раньше не видела…

– С третьего. Перевёлся.

– Оу… Брателла… Я тоже с третьего. Физмат.

– Круто.

– Первачам везёт… – вздыхает она, не переставая курить.

Отслеживает мой взгляд. – У них сегодня не день, а халява…

– Ну у нас тоже так было на первом. Это нормально…

– То, что было в прошлом, остаётся в прошлом… – усмехается она, и мне что-то нихуя не нравится эта фраза. Я даже хмурюсь, когда её слышу… Всё ещё смотрю на Лизу… Всё ещё сканирую её взглядом… И неожиданно она оборачивается, словно чувствует меня… Как обычно.

Расстояние… Дохера. Честно скажу. Ну, минимум метров сто. Можно пакет с собакой перепутать. Только друг друга нельзя. Потому что, блядь, это мы и этим всё сказано… Она тут же отворачивается и пытается скрыться от меня, пробираясь глубже в толпу… А Диана тем временем смотрит на меня и усмехается.

– Кажется, я нашла твой объект наблюдения… Ничего такая… Симпатичная.

Я мотаю головой и вздыхаю, кажется, на весь стадион.

– Бери выше… Это не объект наблюдения, а любовь. Самая настоящая.

Глава 19.

Лиза Широкова

– Он здесь… Вика…

– Где? Где?!

– Да не смотри ты так! Боже, – дёргаю её за рукав блузки, пока она таращится на Максима, сидящего вдалеке на стадионе. Не хочу, чтобы он здесь был, но я знала, что будет. И снова вижу его с какой-то девушкой рядом. Просто магнит для женского пола, не иначе.

– А кто это рядом с ним?

– Понятия не имею. Очередная Алиса, наверное…

– Пхах… Что-то не похоже… Скорее, какая-то альтушка…

– Да пофиг. Не смотри, говорю! – схватив её за локоть, тащу прямиком в толпу. И её, и Даню, который с недавнего времени не знает, как ко мне подступиться. Да и я к нему, признаться, тоже. Мы как два полена рядом. Даже когда едем в машине молчим. Только Вика и спасает.

– Да ладно, чего вы такие грустные?! Ну, первый день! Счастье такое! Мы так долго этого ждали, ехууу!

– Ехууу, – в пол силы повторяет за ней Даня. Наши с ним глаза встречаются, и мы оба начинаем смеяться. Похоже, что Вике это нравится.

– Вооот! Ну хоть на этой почве посмейтесь! Какая разница

из-за чего…

– А теперь можете пойти посмотреть университет, ознакомиться с правилами, техникой безопасности, эвакуационными выходами… – звучит на фоне, а я всё так и смотрю краем глаза в тот самый угол, где сидит фигура в тёмной толстовке… Сердце болит. Но я стараюсь делать вид, что всё нормально. В конце концов, сегодня первый день здесь, и я должна взять себя в руки. Мы знакомимся с одногруппниками, идём в главный корпус, нам показывают, где смотреть расписание. Можно и электронно, конечно. Всё есть на сайте. Но на всякий случай, возле кафедры есть и распечатанное.

Я слушаю и даже вбиваю в телефон некоторые нюансы, чтобы не забыть. Иду медленно. Я бы даже сказала, слишком медленно, оглядываясь по сторонам, изучая стенды, какие-то кубки и медали, привезенные со спортивных соревнований или олимпиад… Наконец чувствую себя нормально, понимая, что теперь у меня вообще не будет времени на то, чтобы думать о Максиме. Я буду учиться и работать во всю силу… Замечаю, что отстала от остальных, начинаю нагонять…

И вдруг…

Меня резко хватают за руку и буквально вталкивают в пустую аудиторию.

Тут и дурой быть не надо, чтобы сразу всё сообразить. И когда я оказываюсь прямо перед ним, у меня внутри всё рас-

ходится на трещинки. Сначала по одной, а потом и до тысячи…

– Отойди! Меня там ждут! – пытаюсь притиснуться, но он перекрывает мне проход к двери. – Максим, это не смешно! Что ты делаешь?! Иди к своей Алисе! Хватит делать из меня дуру! – выпаливаю, столкнувшись с недоумением в его серо-голубых глазах.

– К какой, блядь, Алисе?! Чё ты несёшь вообще?!

– Пхах… – нервно усмехаюсь и киваю. – Тебе нравится играть в эту игру, да? Издеваться… Говорить одно, затем другое. Лгать постоянно! Но мне нет!

– В душе не е…., – съедает он мат. – Что всё это значит, Лиза… Но ты выслушаешь.

– Щас ага! Пропустил! – толкаюсь, но чувствую, как он лёгким движением хватает меня за руки, разворачивает к себе спиной, скрещивая их иксом на моей груди, и удерживает перед собой, пока я брыкаюсь. – Макс! Прекрати! Отпусти меня! Блин! Что ты делаешь?! Помогите!!! – начинаю орать и чувствую, как его ладонь ложится на мои губы. От возмущения тут же кусаю его за руку, и он вскрикивает.

– Ай, блядь!

– Отпусти! – пыхчу, пока он отряхивает руку. Смотрю на него, сдувая выбившиеся из шишки пряди, которые упали на лицо. Ненавижу… А он при этом так на меня смотрит. Будто и засмеяться готов, и разозлиться. Я не знаю, что сейчас ближе.

– А ты всё такая же красивая, сестрёнка…

– Не смей! Вообще никогда не смей меня так называть! – рычу на него, разозлившись ещё сильнее. Кажется, что готова накинуться на него, но он не боится меня, разумеется. Рассматривает, как на картинке. И ухом не ведёт.

– Чё с тобой происходит такое? Какая тебе там Алиса мерещится? Не говори только, что она и к тебе приходила, ладно? Я не вынесу…

– Что?! Никто ко мне не приходил! А вот к тебе очень даже! И я считаю, всё правильно… Ты должен быть счастлив. Тогда тратил драгоценное время на маленькую Лизу, но сейчас не нужно… Я не нужда…

Он срывается с места и впечатывает меня в стену тараном. От неожиданности я просто вздрагиваю и отшатываюсь, чуть ли не ударившись затылком, но чувствую за ним его руку. Он держит мою голову, нависает надо мной и смотрит на меня диким совершенно незнакомым мне взглядом.

– Я заебался, Лиза… Быть правильным заебался. Уже понял, что ты там что-то себе напридумывала, но это снова не так. Готова ли ты реально меня выслушать или что бы я ни сказал останется где-то нахуй никому ненужным? – стискивает он челюсть, пока я молчу. – У меня с Алисой нихуя нет и не было после тебя. После тебя у меня вообще никого и никогда не было. Сколько бы ни пытался. Сколько бы ни старался тебя забыть – не получалось. А причина до банального проста. Представляешь? Ты, блядь, в сердце у меня сидишь.

Под кожей. Из башки не вылезаешь. Ежедневно мучаешь. И даже выслушать меня не можешь. – чувствую, как его рука сжимает мою талию. Будто от эмоций, но даже не моргаю. Под взором его глаз стою как прикованная к месту и слышу, как сбивается моё дыхание, а он шепчет. – Я уехал тогда, потому что меня поставили перед выбором. Или твоя спокойная жизнь в этой семье, или тебя заберут из неё через органы опеки, где работала мать ебучего Артёма. У тебя было бы два варианта. Жить с дядей в другом городе или детский дом. Только поэтому я, блядь, сделал всё, чтобы ты жила полноценной жизнью, как бы там ни было… Я умер тогда. А ты сейчас делаешь всё, чтобы захоронить меня ещё глубже…

*Максимальная скидка 35% на «Хочу тебя сломать» (властный мужик, от ненависти до любви, разница в возрасте, невинная героиня) - https://litnet.com/shrt/oOna

ПЕЛЕВИНА КАТЕРИНА

Глава 20.

Лиза Широкова

Мне кажется, я глохну на месте… Просто не слышу слов или не понимаю их смысла… Меня накрывает каким-то пузырем, через который звук просто не проходит. Но при этом я чётко осознаю, где я и кто передо мной стоит…

Ну что за бред, да же? Что он вообще такое говорит? Это же несерьёзно… Это… Не правда… Этого быть не может. Только сердце в груди колотит с такой силой, что заставляет меня испугаться за саму себя. Паника… Она нарастает, как снежная лавина, летящая вниз с огромного склона…

Вдох-выдох… Вдох-выдох. Глаза как стеклянные, полные ужаса.

Я даже плакать не могу. Словно в трансе.

Максим так близко. Непростительно близко. Всё ещё держит меня за талию. Всё ещё дышит на меня… И от этого тяжёлого звериного дыхания я на мгновение теряюсь, словно проваливаюсь куда-то под лёд.

И на меня вдруг накатывает такая волна ярости, что я отталкиваю его от себя со

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.